

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БГУ В ГОДЫ НЭПА

Политэкономические исследования

Теоретические вопросы социализма исследовались преподавателями С. З. Каценбогеном, С. Я. Вольфсоном, И. В. Герчиковым, Г. Поречиным.

С целью обоснования коммунистического видения сущности государства С. Я. Вольфсон, например, провел исследование существующих теорий государства в трудах социал-демократов Запада [1, 2]. Характерно, что в основу классификации этих теорий он положил их отношение к марксистскому учению, разделив его на три направления. Первое направление белорусский ученый оценил как открыто выступающее против марксизма, отнеся к нему профессоров Венского университета, австрийских социал-демократов Г. Кельзена и Ф. Ленца. Второе направление им было названо псевдомарксистским, выходящим революционность идей К. Маркса. К нему он отнес Г. Кунова и Г. Султана. Третье – марксистским с элементами реформизма, где выделил К. Каутского и М. Адлера. При исследовании взглядов теоретиков социал-демократии на государство С. Я. Вольфсон особое внимание обратил на первое направление.

С. Я. Вольфсон отметил подход П. Кельзена к государству как к органу принуждения. Такой подход дал основания белорусскому ученому отнести П. Кельзена к формально-юридической школе в политэкономии, которая не вкладывает в понятие «государство» социальную цель и социальное содержание.

С. Я. Вольфсон выдвинул и другие аргументы против этой теории. Так, он не согласился с утверждением существования государства, приведя в доказательство пример первобытнообщинного общества, доказывал, что государство появилось с возникновением классов, являясь орудием господствующих кругов общества. Подчеркивая классовое содержание государства, С. Я. Вольфсон подверг критике главную целевую установку государства, данную Г. Кельзеном, – установление и сохранение экономического порядка в обществе. Белорусский ученый не отрицал важной роли государства в строительстве железных дорог, больниц, школ, содержании органов правопорядка, но эту роль он свел к обеспечению условий, при которых возможно классовое господство.

С. Я. Вольфсон критически подошел к утверждению Г. Кельзена, что К. Маркс строил свою теорию государства на принципах юридических норм, обосновывая противоположное: марксова теория зиждется на социологическом подходе к обществу. В качестве довода он привел отсутствие у К. Маркса противопоставления общества и государства, поскольку государство является формой существования общества на определенном этапе его развития, т. е. экономические причины обусловили необходимость оформления человеческого общества в государство.

Белорусский ученый принял участие в известной дискуссии о тождественности теорий государства марксистов и анархистов, на чем, в частности, настаивал Ф. Ленц. Последний тождественность в теориях К. Маркса и М. А. Бакунина усматривал в целевой установке – безгосударственном устройстве социалистического общества. С. Я. Вольфсон исходил из того, что К. Маркс ставил цель полного уничтожения государства путем осуществления социалистической революции, установления диктатуры пролетариата и слома капиталистической государственной машины, но при одном условии – ликвидации классов и основ, порождающих их возникновение, т. е. частной собственности. У М. А. Бакунина же государство должно отмереть сразу, без определения каких-либо условий, что и будет означать ликвидацию эксплуатации и установление социализма. Критически, на наш взгляд, оценивая учение М. А. Бакунина, С. Я. Вольфсон проводил мысль о рассмотрении марксизмом уничтожения государства в результате сложного исторического процесса через прохождение ряда фаз: первая состоит в смене буржуазного государства диктатурой пролетариата, а вторая – в смене диктатуры пролетариата бесклассовым обществом.

На теории государства, разработанной Г. Куновым и Г. Султаном, С. Я. Вольфсон подробно не останавливался, считая вполне достаточной критику, данную с марксистских позиций К. Каутским.

Оценку вклада Ф. Лассаля в развитие теории государства в БССР дал доцент БГУ И. В. Герчиков¹. Исследуя его взгляды на государство, белорусский ученый [3] определил, что они восходят к идеям Гумбольдта, Канта и Гегеля, согласно которым государство определяется с позиций индивидуальной справедливости, безопасности от внешних врагов и внутренних раздоров. И. В. Герчиков определил главную заслугу Ф. Лассаля в теоретическом развенчании манчестерской школы (Германия) в политэкономии (А. Смита и Д. Рикардо) и

¹ Родился в 1869 г. в м. Горваль Минской губернии.

обосновании прогрессивной роли государственного вмешательства в экономическую жизнь. По И. В. Герчикову именно эту идею Ф. Лассаля взяли на вооружение немецкие экономисты, катедер-социалисты при обосновании теории «государственного социализма». Вместе с тем, высоко оценивая вклад Ф. Лассаля в развитие теории государства, И. В. Герчиков представил разницу идеи Ф. Лассаля и идей К. Маркса. Если первый делал упор на нравственное единство пролетариата как носителя чистой идеи государства, то К. Маркс, по мнению белорусского ученого, подошел в своей теории более всесторонне, рассматривая пролетариат в качестве класса, который в состоянии избавиться от своего нечеловеческого положения при капитализме путем уничтожения государства как института.

Тот вывод, что пролетариат является единственным классом, который сможет осуществить на практике социалистические идеи, вытекал из методологических подходов к определению понятия «класс».

Анализ существующих в мировой общественной мысли подходов к причинам возникновения классов в те годы в БССР осуществил С. З. Каценбоген. Он выделил теорию насилия (Е. Дюринг), расовую (Л. Гумплович), внешнеэкономическую (Ф. Оппенгеймер), имущественную (У. Годвин), по доходам (Ф. Кенэ, А. Смит, С. Сисмонди) и т. д. Все эти теории он считал немарксистскими, дав их критический анализ. Так, на его взгляд, если бы насилия было достаточно, то трудящиеся уже давно вследствие многочисленности пришли бы к власти, тогда как класс приходит к власти лишь при том условии, когда наступает конфликт между производственными отношениями и производительными силами. Придерживаясь материалистического понимания истории, он считал, что производственный фактор является единственно верным основанием расслоения общества на классы, выделяя в этом факторе отношения к средствам производства. «Марксистская социология, – писал С. З. Каценбоген, – кладет в основу классов не признак интеллектуальный, а признак экономический, признак, который кладется в основу марксистского понятия об обществе» [4]. Такой подход позволил ему выделить два ведущих класса в современном капиталистическом обществе – пролетариат и буржуазию, тогда как мелкую буржуазию, крестьянство, люмпенов, интеллигенцию он назвал промежуточными классами, а землевладельцев – наследием феодальных пережитков. Поскольку же пролетариат не обладал частной собственностью, а марксизм стремился к ее уничтожению, то отсюда следовало, что самым революционным классом является пролетариат.

В БССР точку зрения, согласно которой класс – понятие историческое, присущее определенной ступени человеческого развития, отстаивал С. Я. Вольфсон. Именно в преходящем характере классовости общества он усматривал коренное отличие марксистского учения о классах от других теорий, базирующихся на наличии классов в любом обществе, выделив при этом главный признак класса. «Критериумом, которым марксизм пользуется для обоснования своего представления о классе, – считал С. Я. Вольфсон, – является место, занимаемое данной общественной группировкой в процессе производства, роль, падающая на ее долю в системе народного хозяйства» [5]. Основным же качественно-образующим фактором появления классов он полагал отрыв средств производства от непосредственного производителя, т. е. расслоение общества на классы после того, как производитель перестает владеть средствами производства. В этой связи С. Я. Вольфсон наиболее удачным определением класса в марксистской литературе считал ленинское, подвергая сомнению правильность обоснования Н. И. Бухариным деления общества на командующих и исполнителей.

Разделяя взгляды В. И. Ленина, С. Я. Вольфсон представлял крестьянство единым классом, а во главе борьбы трудящихся за победу социализма должен стоять пролетариат. Поскольку же ни один господствующий класс добровольно свою власть не отдаст, то, по С. Я. Вольфсону, необходима социалистическая революция.

Связь демократии с диктатурой пролетариата и строительством социализма исследовали доцент БГУ Г. Поречин, М. Пинчук, Н. Шаповалов и С. З. Каценбоген. Г. Поречин и М. Пинчук [6] доказывали, что всеобщность избирательного права при капитализме является ширмой, при помощи которой буржуазия отвлекает рабочих от борьбы за фактическое экономическое равенство, т. е. буржуазная демократия является по своему содержанию классово-вой. При социализме же, на их взгляд, демократия обеспечивает управление большинством над меньшинством. С таких позиций они объяснили отсутствие в социалистическом обществе разделения власти на законодательную и исполнительную, сведя ее к функциям управления обществом. Эти авторы с экономической точки зрения подошли к доказательству необходимости экспроприации и национализации, поскольку экономической базой существования классов и эксплуатации является частная собственность на средства производства. Вместе с тем они неоднократно подчеркивали, что устранение классовых различий через постепенное ограничение пролетариатом сферы частной собственности будет длительным.

Представляют определенный интерес разработанные ими подходы к политике пролетариата в отношении крестьянства и других промежуточных слоев общества в условиях диктатуры пролетариата. Успех пролетарской революции Г. Поречин и М. Пинчук связали с возможностью не только перетягивания на сторону пролетариата многочисленных промежуточных слоев, но и руководства пролетариатом этими слоями. Защита интересов революции, по их мнению, не может быть обеспечена при одинаковых условиях (правах) рабочих и крестьян. Этим Г. Поречин и М. Пинчук обосновывали численное преимущество пролетариата в органах Советской власти по сравнению с крестьянством. Признавая определенную консервативность крестьянства в социалистическом строительстве, Г. Поречин и М. Пинчук в то же время подчеркивали нецелесообразность диктата пролетариата над крестьянством, выступая за необходимость взаимных уступок.

Н. Шаповалов [7] и С. З. Каценбоген обосновывали необходимость пронизывания диктатурой пролетариата всех сфер общественной жизни, в том числе экономической, сведя ее к подавлению сопротивления буржуазии и решению производственно-хозяйственных задач. Отсюда их подход к различному пониманию роли насилия при диктатуре пролетариата и при капитализме. «Разница лишь в том, – считал, например, С. З. Каценбоген, – что в буржуазном государстве имеет место насилие в интересах меньшинства, в пролетарском же государстве насилие проводится над непролетарским паразитическим меньшинством в интересах большинства трудящегося народа» [8].

Особую активность в обосновании необходимости революционного перехода от капитализма к социализму в БССР в то время проявляли С. Я. Вольфсон и Р. Выдра. Суть эволюционной и революционной точек зрения на общественное развитие показал Р. Выдра. На его взгляд, эволюционисты признают развитие только в смысле постепенного количественного нарастания данного явления в экономике, а революционеры, в принципе признавая это, определяют «развитие не только как количественное нарастание..., но и как качественное, как раздвоение действительности на противоположности, борьбу их, переход в высшую стадию» [9]. Признавая неизбежным скачок в экономическом развитии, С. Я. Вольфсон в этой связи подверг критике мнение Н. А. Бердяева, что путем «штопания дыр» можно постепенно превратить капитализм в социализм. Как видим, С. Я. Вольфсон и Р. Выдра подвели теоретическую базу под необходимость революционного перехода от капитализма к социализму, рассматривая его важнейшим этапом и средством уничтожения эксплуатации, частной собственности и классовых различий.

Место и особенности метода марксовой политэкономии попытался определить С. З. Каценбоген [10, 11]. Он считал, что марксова политэкономия имеет основой социологическую теорию исторического материализма, ибо экономические исследования базировались на материалистическом понимании истории. Здесь белорусский ученый разделял мнение австромарксиста М. Адлера. С. З. Каценбоген считал, что марксизм – это не только политэкономия, но и социология. Свою позицию он основывал на положениях Маркса, который вскрыл законы, управляющие обществом. Такой подход белорусского ученого был не случаен, ибо социологию он рассматривал как науку об обществе и законах общественного развития, в том числе экономического. В основу же деления социологии он положил движущие силы развития общества. Это позволило ему выделить материалистическую социологию (марксистскую, по его терминологии – В. Б.), поскольку в основе развития лежит производство; биологическую (Л. Гумплович), рассматривающую общество как часть органического мира; идеалистическую (О. Конт) и т. д.

С другой стороны, С. З. Каценбоген определил особенности марксистского метода: примат общества над личностью, признание переходящего характера всякой экономической среды. В этом вопросе, на наш взгляд, белорусский ученый стоял близко к позиции Н. И. Бухарина, который в работе «Экономика переходного периода» [12] выделил три особенности метода марксистской политэкономии: объективно-общественную точку зрения, материально-производственный подход и диалектико-историческую постановку вопроса.

С. З. Каценбоген принял участие и в дискуссии по понятиям «производительные силы» и «производственные отношения». Он считал более правильной позицию К. Маркса, который включил в состав производительных сил материальные факторы производства, т. е. средства производства и рабочую силу, подвергнув критике расширительную трактовку Г. Кунова. Белорусский ученый неправомочность включения Г. Куновым в состав производительных сил недр земли, ветра и т. д. видел в том, что без приложения труда последние являются мертвыми и поэтому не могут являться элементами производительных сил, а являются лишь их условиями и предпосылками.

Что касается производственных отношений, то С. З. Каценбоген выступил против попыток тех экономистов и философов, которые в их состав включали и технические отношения. Белорусский ученый считал, что в производственные отношения следует включать лишь имуществен-

ные отношения и отношения собственности, тем самым абсолютизируя социальный момент, а именно отношения по поводу средств производства и произведенных продуктов. В действительности же производственные отношения значительно сложнее и противоречивее: в них важное место отводится организационным и «вещным» моментам.

Если в понятиях «производительные силы» и «производственные отношения» С. З. Каценбоген разделял позицию Н. И. Бухарина и сторонников механистического направления в советской политэкономии, то при изучении проблем экономической жизни он это направление подвергал критике. Так, при анализе книги Т. Степанова «Электрификация РСФСР» он не согласился с автором, который в законе сохранения энергии и превращения ее в различные формы находил универсальный закон, объясняющий общественную жизнь, считая, что социальное развитие является частью материи. Во-первых, белорусский ученый считал эту идею не новой, ссылаясь на книгу Н. Батюшкова «Связь экономических явлений с законом энергии», вышедшую еще в 1889 г. Во-вторых, «закон сохранения энергии, – писал С. З. Каценбоген, – не может нам нисколько помочь уразуметь законы общественной жизни» [13]. По его мнению, этот закон может объяснить изменения в технике, но не в экономике, ибо машины являются элементом производительных сил, тогда как единство всех форм мирового процесса состоит в общеобязательных законах движения материи. При этом он сослался на книгу известного физика Э. Резерфорда «Электрическая природа материи».

Некоторые аспекты теоретических основ политэкономии затронул также С. Я. Вольфсон [14]. Он отстаивал важность использования принципа историзма при исследовании научных категорий, который, на его взгляд, позволяет глубже понять и увязать процесс научного познания с реальной действительностью. Сказанное С. Я. Вольфсон подтвердил при анализе взглядов французских материалистов XVIII в. (К. А. Гельвеция, П. А. Гольбаха и др.). В ходе этого анализа он определил, что буржуазные материалисты резко критиковали феодальную собственность и сословную замкнутость, провозглашали всеобщее равенство, одновременно отстаивали необходимость сохранения буржуазной собственности и имущественного неравенства.

Белорусский ученый остановился на попытках ряда советских философов и экономистов «упростить» понятие «производительные силы». Во-первых, он не согласился с исключением из их состава живой рабочей силы. Сторонники такого подхода считали

человека механической энергией, принципиально не отличающейся от других материальных факторов, входящих в средства производства. Во-вторых, ряд ученых исключали средства производства, ибо в основе производства лежит деятельность человека, тогда как средства производства представляют лишь технический придаток. По мнению С. Я. Вольфсона, сторонники обоих подходов абстрагируются от реальной действительности, в которой имеются и средства производства, и рабочая сила.

Следует обратить внимание, что наряду с термином «производственные отношения» белорусский ученый часто употреблял термин «экономические отношения», хотя и не раскрывал их различие или тождественность. Однако термин «экономические отношения» он применил, когда утверждал, что они «образуют ту основу, на которой непосредственно развивается производство данного общества». Им был затронут и вопрос соотношения «производство-распределение-потребление». Отношения распределения он считал вторичными по отношению к производству, а экономические потребности – главной пружиной экономического развития.

В своей работе С. Я. Вольфсон уделил внимание распространённому в политэкономии Запада социальному направлению. В полемике с этим направлением белорусский ученый доказывал, что право отражает господствующие производственные отношения, а поэтому, на его взгляд, любой закон бессилён навязать чуждые этим отношениям правовые нормы, и конфликт между экономикой и правом решится рано или поздно в пользу экономики вследствие постоянного процесса развития производительных сил.

Ряд идей по экономическим категориям высказал Р. Выдра [15]. В частности, в отличие от С. Я. Вольфсона он считал, что потребности вытекают из производства. Сформулировал он и состав производительных сил, куда отнес наряду с рабочей силой и средствами производства ту часть природы, которая благодаря труду превращается уже в «искусственную среду общества». Между прочим, к такой трактовке пришли и современные белорусские исследователи в области экономической теории и политэкономии [16, 17].

Таким образом, среди ученых БССР преобладал взгляд на производительные силы как на техническую категорию, как на результат взаимодействия человека и общества с природой (средой), а на развитие производственных отношений как на результат одностороннего воздействия на них производительных сил. При исследовании проблем производственных отношений явное предпочтение отдавалось социально-классовым моментам.

Рассматривая теоретические аспекты экономики сельского хозяйства, профессор БГУ Е. С. Канчер сформулировал свое видение предмета и задач политэкономии. «Политэкономия, – писал он, – есть наука о необходимых и всеобщих монистических функциях в народном хозяйстве. Она исследует в системе народного хозяйства законы развития, устанавливает явления с точки зрения их развертывающихся зависимых монистических отношений. Материалом для политэкономии служит вся совокупность явлений мирового хозяйства в пределах временных и пространственных координат [18]. Такой подход, на наш взгляд, представляет определенный интерес. Во-первых, в предмете политэкономии упор сделан не на производственные отношения и их взаимодействие с производительными силами, а на законы развития народного хозяйства с позиции монизма. Во-вторых, объектом политэкономии признается мировое хозяйство во времени и пространстве, т. е. белорусские экономисты 20-х гг. стали подходить к пониманию необходимости выделения третьего структурного элемента экономической теории – мирового хозяйства, а не только микро- и макроэкономики.

Природу собственности и современные тенденции в ее понимании среди ученых Запада проанализировал доцент БГУ, юрист Ф. Гавзе. Значение этого вопроса он выразил так: «Борьба между СССР и капиталистическими государствами является, в сущности, борьбой между советской и буржуазной системами собственности» [19]. Как видно, в основу отличия социализма и капитализма им была положена собственность.

Рассмотрев подходы А. Зома, Э. Бароне, В. Дерибурга, М. Дюверара и других ученых, он пришел к выводу, что наиболее распространенное определение собственности – «всестороннее» господство над телесной вещью. Однако Ф. Гавзе определил новые идеи среди ряда исследователей (К. Менгер, П. Дюги) – направляющую роль государства при определении прав собственности и социальную функцию этого права, ссылаясь на гражданский кодекс Германии. Проведя анализ истории развития норм публичного права, а не древнеримского, он сделал вывод о постепенном ограничении абсолютно-го характера права собственности в странах Запада.

Выявив новые тенденции в понимании собственности среди ученых Запада, Ф. Гавзе попытался доказать их несостоятельность. Так, П. Дюги он подверг критике за его признание усматривать в собственности солидарность как основу хозяйственной жизни современного общества. В качестве аргумента он использовал возрас-

тание антагонизма между классами в результате борьбы за собственность. Обоснование же Р. Гедемана эффективности одновременного существования государственной и частной собственности белорусский ученый считал неубедительным, ибо невозможно совместить несовместимое. Ограничения частной собственности при капитализме, на его взгляд, не должны противоречить основному принципу хозяйствования при капитализме – извлечению прибыли и борьбе частных интересов.

Такое понимание Ф. Гавзе роли частной собственности привело его к мысли, что рано или поздно государственная и частная собственность в СССР вступят в непримиримые противоречия, ибо частная собственность противоречит сущности социализма, и поэтому нэп не может в стране долго проводиться.

Как и в экономической науке СССР в целом, в процессе проводимых учеными БГУ исследований формировались общеметодологические основы и понятийный аппарат теории, получившей в дальнейшем название «политэкономия социализма». Это обуславливало необходимость изучения и обобщения на Западе и в России теории государства, класса, собственности, производительных сил и производственных отношений, революционного и эволюционного путей экономического развития. Поскольку указанные вопросы носили общеметодологический характер, то, естественно, исследования по ним проводили не только экономисты, но и представители других общественных наук и требовали соблюдения принципа историзма.

Исследования экономической мысли Запада

Наибольший вклад в исследование так называемой буржуазной экономической мысли, на наш взгляд, внес доцент БГУ И. Я. Герцык¹. В методологическом плане он исходил из принципа постоянного развития капитализма, поэтому выводы и обобщения, сделанные ученым-экономистом в одну эпоху капитализма, не соответствуют другой [20], т. е. практика постоянно выдвигала новые задачи перед экономической теорией. Для доказательства он привел два уже неверных, по его мнению, положения Д. Рикардо и К. Маркса. Если Д. Рикардо установил закон тяготения зарплаты к минимуму средств существования, исходя из индивидуальных отношений капиталиста с каждым рабочим, то в начале XX в. с применением коллективных договоров, по-

¹ Родился 25.08.1872 г. в Могилевской губернии. Окончил Рижский политехнический институт.

вышением роли профсоюзов и страхования этот закон уже по существу не действует.

И. Я. Герцук обосновал, что К. Маркс делал выводы относительно положения рабочего класса на основе действия закона конкуренции и стихии рынка; сейчас же, когда капитализм стал более организованным, эти выводы претерпевают существенную модификацию. В этом белорусский ученый был полностью солидарен с Р. Гильфердингом.

Аналогичные замечания И. Я. Герцук сделал при рассмотрении взглядов А. Вагнера, П. Г. Струве, С. Н. Булгакова и Л. Мизеса. Так, на его взгляд, у А. Вагнера отсутствуют выводы относительно нового явления современного капитализма – расширения вмешательства государства в хозяйственную жизнь и показа оптимального сочетания трех форм хозяйствования, т. е. частной, государственной и каритативной (благотворительной – В. Б.).

Проанализировав положения Л. Мизеса и П. Г. Струве, согласно которым при социализме стоит неразрешимая проблема – подъем производительных сил при отрицании частной собственности и рынка, белорусский ученый отослал к аргументам О. Бауэра («История австрийской революции»¹). О. Бауэр, по мнению И. Я. Герцука, дал верную аргументацию несостоятельности взглядов Л. Мизеса относительно роли частной собственности и рынка как необходимых условий эффективности любой формы хозяйствования. В целом вывод И. Я. Герцука был однозначен: поскольку все буржуазные экономисты не признают преходящего характера капитализма, то они и не могут дать объективную оценку происходящим процессам и сделать всесторонние теоретические обобщения.

Впервые в экономической мысли БССР И. Я. Герцук попытался классифицировать все имеющиеся школы по проблемам экономических кризисов и ренте при капитализме [21, 22]. Как следует из анализа его подходов, в основу группировки взглядов по кризисам он положил причину их возникновения. В соответствии с этим одно направление видит причину кризисов в условиях обмена и неправильном денежном обращении (Г. Маклеод, Дж. М. Кейнс, И. Фишер, Г. Кассель). Второе направление, к сторонникам которого он отнес Д. Рикардо, Ж. Сисмонди, К. Родбертуса, К. Маркса, В. Репке, М. И. Туган-Барановского и Бунятя-

¹ О. Бауэр в этой работе осуществил одну из первых попыток решить сложнейшую задачу экономической теории – рассмотреть условия эффективности при различных формах хозяйствования.

на, исходит из условий производства и распределения. Между двумя основными направлениями И. Я. Герцкык выделил промежуточную позицию И. Шумпетера. По мере рассмотрения этих направлений он высказал и свою точку зрения.

Так, касаясь первого направления, главный недостаток он видел в отсутствии объяснения причин роста производства. Поэтому им разделялась позиция Д. Рикардо и Ж. Б. Сэя, которые выводили причину кризиса не из общего перепроизводства, а из непропорционального развития отдельных отраслей. В то же время И. Я. Герцкык не согласился с их выводами относительно временности кризисов и возможности по мере развития капитализма от них избавиться. Интересно, что К. Маркса он отнес к сторонникам Ж. Сисмонди, который считал, что при узкой базе потребления трудящихся происходит нарушение соответствия производства и потребления. Главную же заслугу К. Маркса в развитии теории кризисов И. Я. Герцкык видел в его доказательстве невозможности соблюдать пропорциональность при господстве анархии производства.

И. Я. Герцкык не согласился с точкой зрения Репке, которая отождествляла теорию кризисов Р. Люксембург со всей марксистской школой. В доказательство своего утверждения белорусский ученый привел аргументы Н. И. Бухарина («Империализм и накопление капитала»), согласно которым капитализм развивается не только благодаря наличию некапиталистической среды, но и благодаря предоставлению капиталистами своих товаров крестьянам и кустарям через фазу обмена.

Л. Брентано утверждал, что с возникновением картелей появляется возможность регулирования производства. И. Я. Герцкык разделял критику такого подхода, данную еще М. И. Туган-Барановским в работе «Промышленные кризисы». Как видим, И. Я. Герцкык являлся сторонником точки зрения, согласно которой при капитализме невозможно устранить кризисы, пока не затрагивается их основа – частная собственность на средства производства.

Из существующих теорий ренты в экономической мысли Запада белорусский ученый выделил в качестве самостоятельных школы Д. Рикардо, Дж. Ст. Милля, К. Маркса, К. Родбертуса и Л. Борткевича, показав сильные и слабые их стороны.

В теории Д. Рикардо он отметил как недостаток отсутствие упоминания абсолютной ренты, т. е. ренты с худших участков земли. И. Я. Герцкык не согласился с отождествлением теории ренты К. Маркса и К. Родбертуса, хотя и признал первенство К. Родбертуса в установлении, что земельная рента получается вследствие более низкого органического строения капитала. Вклад К. Маркса в теорию

ренды он усматривал в доказательстве того, что сверхприбыль, получаемая землевладельцем, зависит не только от более низкого органического строения капитала, но и от других факторов, а в основе ренты лежит эксплуатация человеческого труда.

Из конкретных персоналий наибольшее внимание И. Я. Герцыка привлекли социально-экономические воззрения популярного в начале XX в. профессора Венского университета О. Шпана [23]. Он представил экономические взгляды О. Шпана, которые, во-первых, опираются на предшественников, немецких экономистов и философов XVIII в. Г. Мюллера и Э. Балдера. Во-вторых, представил О. Шпана как создателя теории, которая содержит идеи социалистов и дает для всех классов общую «национальную идеологию» на основе идеалистического мировоззрения.

Белорусский исследователь рассмотрел логику его рассуждений, восходящую к философским воззрениям, которая затем была преломлена на экономическую теорию и разработку универсальных принципов для всех фаз развития человеческого общества: органическое неравенство членов общества при одинаковой возможности для достижения общей для данной фазы развития цели, иерархичность и ранжирование неравенства, сословность.

В критике философских воззрений О. Шпана И. Я. Герцык опирался на принцип, присущий социалистической экономической мысли, – примат производства, экономики над духовностью. Белорусский ученый считал, что многие из предлагаемых О. Шпаном мер уже реализуются на практике в капиталистических странах. В частности, И. Я. Герцык провел специальное исследование по генезису аграрных реформ в Европе, на основании которого сделал заключение о наличии тенденции капиталистических стран ограничить частную собственность на землю [24]. Аналогично И. Я. Герцык высказался и по планированию, показав, что в современном монополистическом капитализме объединения образуются уже не только в национальном, но и в международном масштабе.

И. Я. Герцык также попытался определить место теории стоимости О. Шпана в экономической мысли Запада. Поскольку О. Шпан рассматривал основной принцип хозяйствования как совокупность средств, необходимых для достижения цели данного строя, в том числе труд, то И. Я. Герцык его отнес к сторонникам теории предельной полезности с определенной модификацией.

Классификацию направлений в буржуазной экономической мысли Запада по рабочему вопросу дал профессор БГУ Н. Н. Крав-

ченко¹. Первое направление он определил как консервативно-патриархальное (Р. Оуэн, Т. Карлейль), которое, на его взгляд, исходит из незыблемости капитализма и признания его отрицательных сторон [25]. Отсюда вера в возможность установления отношений между трудом и капиталом на этической основе. По мнению Н. Н. Кравченко, вряд ли найдутся фабриканты, желающие заниматься филантропией в противовес получению прибыли.

Остановился он и на решении рабочего вопроса в либеральном направлении современной экономической мысли Запада, которое восходит к постулатам классической буржуазной политэкономии и базируется на невмешательстве государства в экономику и эффективном действии рыночной стихии. Такая позиция в дискуссии о решении рабочего вопроса, как считал Н. Н. Кравченко, господствовала в экономической мысли Европы до середины XIX в. Однако практика показала, что рынок сам по себе гармонии интересов в процессе своего развития не установит, а даже обострит этот вопрос.

Социально-реформаторским направлением решения рабочего вопроса Н. Н. Кравченко считал то, которое ратует за вмешательство государства в отношения между трудом и капиталом, за законодательную защиту интересов рабочих от предпринимателей при сохранении капитализма (В. Зомбарт, Л. Brentано, А. Вагнер, Г. Шмоллер). Высоко оценивая взгляды представителей этого направления, которые исходили из понимания улучшения жизни рабочих, Н. Н. Кравченко, однако, считал, что и оно не способно окончательно решить рабочий вопрос, пока существует капитализм. Исследователь считал лучшим решением рабочего вопроса не оформление рабочего класса в профсоюзы, не борьбу за завоевание большинства в парламенте, а создание собственной политической партии, которая будет способна завоевать политическую власть и коренным образом улучшить положение рабочего класса.

Анализ генезиса рабочего законодательства в странах Европы позволил белорусскому ученому выявить определенные закономерности. Первоначально государственной защите в охране и оплате труда подверглись наиболее слабые слои рабочего класса – дети и женщины, а затем занятые в отраслях промышленности с наибольшим уровнем концентрации производства (металлургии, горном деле). Им бы-

¹ Н. Н. Кравченко родился 30.10.1880 г. в Могилеве. До работы в БГУ работал профессором Саратовского государственного университета. Специалист по международному праву.

ли сделаны выводы, что, во-первых, степень компромисса между трудом и капиталом определяется соотношением сил в каждой конкретной стране, а отсюда различное рабочее законодательство в странах Европы; во-вторых, он не отрицал определенных успехов в совершенствовании рабочего законодательства в развитых капиталистических странах.

Когда фашизм начал укрепляться в ряде стран Европы и стала распространяться его идеология, появилась возможность более основательно подойти к выяснению экономической сущности. Это сделал профессор БГУ Н. Н. Коноплин [26–29], который исследовал всю идеологию фашизма, рассмотрев взгляды Б. Муссолини, программу итальянских фашистов «Хартия труда», высказывания В. Парето, Дж. Рокко, В. Зомбарта, О. Шпана, Л. Мизеса, Ю. Пилсудского.

Н. Н. Коноплин раскрыл главный лозунг фашизма: ничего для индивида, все для государства, ибо личность является инструментом в достижении главной цели – организации и защите общества от распада. Белорусский ученый проанализировал критику Б. Муссолини утверждения К. Маркса, что классовая борьба является источником прогресса. Б. Муссолини не отрицал противоречий между рабочим и капиталистом, но считал их временными, ибо основное – это сотрудничество в границах, установленных волей всей нации. По мнению Н. Н. Коноплина, фашизм тем самым затушевывал классовую борьбу и призывал к гармонии классовых интересов.

Кроме того, он обратил внимание на идею «корпоративного государства», которая стала воплощаться в жизнь через экономическую политику, проводимую фашистской партией в Италии. Н. Н. Коноплин выявил такие свойства корпорации, как одновременное и принудительное участие в ней трудящихся и предпринимателей, а также руководство каждой корпорацией представителем фашистской партии. При критике корпорации Н. Н. Коноплин исходил из применения классовых противоречий, а отсюда вывод: «Не могут они реально существовать по той причине, что они по идее призывают установить сотрудничество классов, примирить классовые противоречия» [27, 29]. Общее заключение ученого состояло в определении фашизма как крайней формы выражения диктатуры наиболее реакционных кругов буржуазии. Такой подход к сущности фашизма, сформулированный еще в 20-е гг. в СССР и БССР, общепризнан в экономической литературе до сих пор.

В своих исследованиях Н. Н. Коноплин опроверг утверждения фашистских идеологов о благотворном влиянии проводимой эконо-

мической политики. Его конкретные расчеты показали, что к концу 20-х гг. в Италии и Польше снизились темпы роста производства, стала падать реальная зарплата трудящихся, наметился рост безработицы и налогов, усилилась зависимость отечественной экономики от иностранного капитала, резко возросла милитаризация общества. Это дало ему основание заключить, что переход к тоталитарным методам управления приносит временные положительные результаты, после которых наступает экономический кризис. Речь, по существу, шла о неправомерности рассматривать фашистскую идеологию и соответственно экономическую политику в качестве альтернативы рыночному развитию общества.

Крупный вклад в выявление истоков, генезиса социал-демократической экономической теории внес профессор БГУ Е. И. Ривлин. Это он показал эволюцию взглядов К. Либкнехта, А. Бебеля, Г. Фольмара и Э. Бернштейна по аграрному вопросу [30–32].

Е. И. Ривлин считал, что К. Либкнехт в книге «Аграрный вопрос» начал отходить от марксизма. К. Либкнехт являлся сторонником коллективной собственности на землю при сохранении индивидуальных хозяйств. Однако он не дал ответа на вопрос о преимуществах революционного или эволюционного пути. Г. Фольмар и Э. Бернштейн развили мысль о возможности улучшения положения крестьянства при проведении реформ в рамках капитализма. Такую позицию Е. И. Ривлин связал с попыткой социал-демократов привлечь на свою сторону крестьянство, используя его частнособственнические интересы.

В отказе германской социал-демократии от марксизма в аграрном вопросе Е. И. Ривлин усмотрел черты ревизионизма. Указанный вывод Е. И. Ривлин подкрепил ссылкой на разработку Г. Фольмаром и Э. Бернштейном теории кооперации среди крестьянства, агрономической помощи, новой кредитной политики, рассматривая эти меры как шаги к социализму. «Если стоять на точке зрения защиты крестьян, – считал Е. И. Ривлин, – то логика неумолимо требует принять общие взгляды Г. Фольмара». Белорусский ученый не посчитал нужным подробно останавливаться на критике такого подхода, ибо его несостоятельность обстоятельно показали К. Каутский и А. Л. Парвус: буржуазное государство, являясь орудием классового господства, никогда само не уничтожит помещичье землевладение. Оппортунизм Фольмара и Бернштейна Е. И. Ривлин также видел в признании ими различных законов развития сельского хозяйства и промышленности, в принятии большинства разработок этих авторов либеральными экономистами, сторонниками теории государственного социализма.

Е. И. Ривлин выявил социальные слои, на которые первоначально опиралась социал-демократия, положив в основу результаты поименного голосования на съездах Германской социал-демократической партии. Оказалось, что за идеи Г. Фольмара и Э. Бернштейна голосовали делегаты от южной Германии, где преобладало сельское население и слабо была развита промышленность. Его расчеты подтвердили вывод А. Паннекука и В. И. Ленина, согласно которому появление оппортунизма в рабочем движении является итогом неравномерного развития капитализма в отдельных странах и регионах; оппортунизм появился в странах и регионах с отсталой промышленностью, преобладанием мелкотоварного производства, где слабо ощущалась классовая борьба.

При изучении социал-демократической идеологии учеными БГУ особое внимание было уделено выдвинутой ею в 20-е гг. теории «конструктивного социализма», что, в частности, видно по исследованию И. В. Герчикова [33]. Разницу в позициях коммунистов и социал-демократов он усматривал в различном понимании современного исторического периода. По его мнению, социал-демократы исходили из возможности перехода к социализму без социалистической революции в рамках буржуазной демократии с затушевыванием классовой борьбы, что вело, по существу, к защите капитализма.

И. В. Герчиков определил, что теорию конструктивного социализма создали Р. Гильфердинг, лидер английских лейбористов Ф. Р. Макдональд и лидер русских эсеров Р. Чернов. С целью обоснования ее несостоятельности он подробно рассмотрел методологические подходы авторов, а затем определил сущность этой теории. Согласно теории конструктивного социализма в результате образования монополий наступает конец эпохи свободной конкуренции и растет организованное капиталистическое хозяйство, имеющее тенденцию преодолевать анархию производства. В таких условиях происходит изменение положения рабочего класса, что находит выражение в уменьшении безработицы, введении социального страхования, повышении роли профсоюзов, и капиталистические противоречия постепенно устраняются посредством хозяйственной демократии. Иными словами, путь к социализму лежит через создание демократического государства и усиление планового ведения капиталистического производства.

Критику подобного рода рассуждений И. В. Герчиков построил на том, что и при империализме главным для капиталиста является получение прибыли, а система монополий не устраняет конкуренции, воспроизводя ее в расширенном масштабе. Переоценку демократии в

экономике у оппонентов белорусский ученый расценил как возврат к старому ревизионизму, сформулировав отличия в методологии. Если Э. Бернштейн исходил из отрицания марксовой теории концентрации капитала, то Р. Гильфердинг, наоборот, приходил к тем же выводам из наличия факта концентрации капитала.

Рассматривая теорию конструктивного социализма, И. В. Герчиков посчитал ее близкой к либеральному направлению в буржуазной экономической мысли в лице Дж. М. Кейнса, который на место индивидуальной воли и свободной конкуренции ставит корпоративный дух регулирования производства, приобретающего черты плановой экономики. Поскольку же государство постепенно социализируется, то и сама идея социализма, по Дж. М. Кейнсу, сходит на нет. И. В. Герчиков сформулировал разницу между теорией Дж. М. Кейнса и Р. Гильфердинга: если первый открыто заявляет о похоронах социализма, то второй пока не решается об этом говорить. В дальнейшем в учебниках по истории экономических учений и политэкономии, издававшихся в СССР, в том числе и в БССР, подчеркивалась близость кейнсианской и социал-демократической моделей экономического развития [34].

И. В. Герчиков видел оппортунистический характер теории конструктивного социализма в апологии капитализма. Однако он согласился с выводами Н. И. Бухарина и Е. Варги о достижении капитализмом определенных успехов в стабилизации экономической ситуации¹. В заключение белорусский ученый сделал следующий вывод: «Сущность конструктивного социализма и заключается в апологии империализма, в оценке его как прогрессивно действующего исторического фактора, как эпохи расцвета, а не деградации капитализма» [20, 33].

Ученые БГУ также исследовали отношение социал-демократов Запада к событиям в СССР, к оценке современного капитализма, к их теории переходного периода от капитализма к социализму. Так, Н. Н. Коноплин [36] рассмотрел взгляды Генерального секретаря II Интернационала М. Адлера. По утверждению Н. Н. Коноплина, М. Адлер старался доказать, что рабочий класс Запада на основе опыта перехода к социализму в СССР пойдет по другому пути, поскольку практика выявила, что предположения В. И. Ленина о мировой проле-

¹ И. В. Сталин в 1929 г. подверг критике воззрения Н. И. Бухарина относительно частичной стабилизации капитализма, ибо если стать на такую позицию, то это значит разделять точку зрения «оздоровления» капитализма, стать на позицию Р. Гильфердинга, с чем партия не могла согласиться [35].

тарской революции не оправдались. Установление диктатуры пролетариата в России отпугнуло пролетариат других стран от проводимых большевиками методов строительства социализма. Ликвидация политической демократии в России, по М. Адлеру, привела к переходу либеральной буржуазии на позиции реакции и фашизма.

В связи с этим Н. Н. Коноплин обратил внимание на оценку современного капитализма, данную М. Адлером. Белорусский ученый считал акцентирование у М. Адлера одной стороны стабилизации капитализма – технико-экономического улучшения. Аналогично, на его взгляд, подходил к этому вопросу и К. Каутский, который утверждал, что капиталистическая собственность пока нужна не только эксплуататорам, но и пролетариату, ибо сложилось временное равновесие сил. Причем, по К. Каутскому, в стабильности заинтересован и предприниматель, а пролетариат заинтересован в становлении демократического государства.

В таких рассуждениях Н. Н. Коноплин увидел непонимание социал-демократами сущности государства как органа классового господства. В подтверждение мысли об отходе социал-демократов от марксизма он привел высказывания ряда немецких либеральных экономистов об отличии учения социал-демократов от учения марксистов, а это было связано с тем, что часть рабочих стали собственниками, а потому и противниками марксизма, который отрицает частную собственность.

Н. Н. Коноплин [37] рассмотрел теорию переходного периода, разработанную К. Каутским, которая реформировала теорию переходного периода Маркса. Белорусский ученый показал, что, по К. Каутскому, между чисто буржуазным и чисто пролетарским периодом должен лежать период демократического государства в форме коллективного правительства, при помощи которого рабочий класс научится управлять обществом и производством. Им была выявлена разница между социал-демократами и марксистами, которая состоит в том, что если социал-демократы требуют демократических свобод для всех, то марксисты во главе с В. И. Лениным – только для трудящихся, эксплуатируемых масс (тогда как поддержка буржуазного государства ведет к поддержке всякого его типа, включая и фашистское).

В этой связи белорусский ученый попытался обосновать тождественность концепции социал-реформистов «хозяйственной демократии» и идеи фашистов о «корпоративном государстве». Эту связь он усматривал в пропаганде мира в производстве, сотрудничестве классов при сохранении эксплуатации. Такое сравнение позволило Н. Н. Коноплину не только

охарактеризовать превращение социал-демократов в пособников фашизма и крупного капитала, но и их становление социал-фашистами.

Среди преподавателей, работавших в рассматриваемый период в БГУ, наибольший вклад в исследование истории создания теории империализма, на наш взгляд, внес И. В. Герчиков [38]. На основе проведенного им анализа современной историко-социологической литературы Запада (Г. Фрюдинги, А. Вирта, Э. Сэйэр, Г. Эгельгаф) он пришел к заключению, что буржуазные историки и социологи практически ничего нового в империализме не видели, а поэтому претендовать на создание теории империализма не могут. Исходя из такого вывода И. В. Герчиков сосредоточил внимание на исследовании эволюции империализма в западноевропейской и дореволюционной экономической литературе России.

С целью выявления степени разработанности проблем империализма в России И. В. Герчиков осуществил анализ публикаций в журналах «Новое время» и «Русское богатство», выделив особо исследования В. Поссе. Именно В. Поссе, по мнению И. В. Герчикова, увидел образование монополистических объединений и их стремление к международной экспансии. Приветствуя издание закона Шермана (1890 г.) в США, И. В. Герчиков, однако, не считал его решающим в борьбе с монополиями, ибо он направлен на контроль в сфере обмена, а не производства. Он исходил из невозможности буржуазного государства решить вопрос борьбы с монополиями, поскольку в противном случае это привело бы к отрицанию буржуазной сути государства. Им был сделан вывод, что если русские легальные марксисты уже в конце XIX в. приступили к исследованию проблем империализма, почувствовав тем самым новые явления в развитии капитализма, то марксисты во главе с В. И. Лениным еще не начали изучать империализм.

В своих исследованиях И. В. Герчиков также выявил отсутствие единства взглядов на империализм в марксистской литературе СССР, проанализировав историко-экономические труды М. Н. Покровского и Н. А. Рожкова.

По мнению И. В. Герчикова, М. Н. Покровский исследовал практически только два признака империализма – протекционизм и стремление к расширению территорий. Если исходить из этого, то получается, что империализм является политикой наиболее отсталых стран, т. е. является порождением не развития производительных сил, а деятельности реакционных кругов. Что касается протекционизма, то он также, на взгляд И. В. Герчикова, является чертой экономически отсталых стран и не может являться признаком империализма¹.

¹ В СССР с тех же позиций к критике взглядов М. Н. Покровского на империализм подошел Н. Ваняг [39].

Слабость исследований Н. А. Рожкова И. В. Герчиков видел в неправильном понимании им финансового капитала и ставке в развитии империализма на кредит. В этой связи он поддержал Р. Гильфердинга в том, что он не отрывает в отличие от Н. А. Рожкова образование финансового капитала от производственной базы. «Ко всем явлениям современного капитализма, – считал И. В. Герчиков, – надо подходить не со стороны денежного обращения, а со стороны производства, ибо нельзя отрываться от производственной базы», а Рожков преувеличивает подход Р. Гильфердинга. Исходя из этого, И. В. Герчиков считал, что методологически прав был В. И. Ленин, который провел исследование империализма не на вторичном факторе, как Н. А. Рожков, т. е. на денежном обращении, а на первичном – процессе производства.

Анализируя работы буржуазных экономистов, И. В. Герчиков не отрицал их существенный вклад в изучение различных сторон империализма: функционирования трестов, банков, особенностей ценообразования и т. д., ссылаясь при этом на Р. Лифмана, И. И. Янжула, Ф. Кляйнвехтера и других. Он согласился с подходом этих авторов к изучению новых явлений, ибо этот подход базируется на производстве и накоплении капитала. Однако, по мнению И. В. Герчикова, у буржуазных экономистов отсутствуют обобщения, особенно с точки зрения будущего империализма. С таких позиций, как считал белорусский ученый, более предпочтительны работы Дж. Гобсона, Р. Гильфердинга, Н. И. Бухарина, Р. Люксембург и В. И. Ленина.

Исследования по истории народного хозяйства

Помимо анализа современной экономической литературы по проблемам империализма, в белорусской экономической мысли нашли отражение вопросы истории развития народного хозяйства. Здесь заслуживают внимания, на наш взгляд, работы доцента БГУ М. Б. Гольмана [40], посвященные изучению русского империализма, неравномерности экономического развития в эпоху империализма и всеобщего кризиса капитализма, а также профессоров БГУ М. В. Довнар-Запольского, А. А. Смолича, В. Н. Перцева, доцентов И. Я. Герцыка и И. В. Герчикова.

При исследовании проблем русского империализма М. Б. Гольман [41], по нашему мнению, попытался совместить два методологических принципа, разработанных Н. И. Бухариным и В. И. Лениным, которые являлись предметом разногласий в подходах к изучению империализма. Если Н. И. Бухарин исходил из необходимости выявляе-

ния особенностей империализма посредством изучения мирового хозяйства¹, то В. И. Ленин – через открытые им пять признаков империализма и три его особенности.

Показав в мировом хозяйстве тенденции роста концентрации производства, создания акционерных обществ и холдингов, белорусский ученый подверг критике вывод Э. Бернштейна о демократизации капитала и возможности сглаживания кризисов, регулирования цен, спроса и предложения. При этом он выявил условия правильности таких рассуждений: капитализм превращается в единый трест, а перепроизводство является единственной причиной кризисов.

Придерживаясь классификации монополий Р. Лифмана, М. Б. Гольман показал этапы их развития (корнеры, ринги, картели, синдикаты, тресты, комбинаты, концерны) и определил факт начала слияния мощи буржуазного государства с монополиями, подтвердив мысль В. И. Ленина о вхождении империализма в государственно-монополистическую стадию.

Обобщив огромный фактический материал по движению банковского и промышленного капитала, М. Б. Гольман сделал вывод об образовании в начале XX в. финансового капитала, обратив особое внимание на изменение роли иностранного капитала. Это изменение он связал с развитием акционерных обществ, благодаря которым, на его взгляд, в отличие от движения товаров (протекционизм, таможенная политика) капитал уже имеет возможность почти беспрепятственно переливаться в любую страну и в любую отрасль экономики.

Выявленные тенденции мирового хозяйства позволили М. Б. Гольману критически подойти к теории «ультраимпериализма» Каутского. М. Б. Гольман обосновывал, что международное экономическое соперничество будет существовать до тех пор, пока функционирует капитализм, хотя эта борьба неминуемо приведет к формированию ряда военно-политических союзов.

Рассмотрев общие тенденции в мировом капиталистическом хозяйстве, М. Б. Гольман затем проанализировал их на примере царской России, сделав вывод, что монополии и финансовый капитал не являлись господствующей структурой в русской экономике до начала XX в.

Особый интерес представляют выявленные этим автором особенности русского империализма в сравнении с общемировыми тенденциями. Это, прежде всего, огромная роль иностранного капитала,

¹ Этот методологический принцип Н. И. Бухарина уже в 1929 г. в советской экономической литературе стал подвергаться уничтожительной критике за его абстрактность [42].

которая, по его расчетам, к 1917 г. достигла 50 % в экономике страны. Он попытался объяснить такое явление, связав его с высокой нормой прибыли, низкой зарплатой, распространением акционерных обществ, низкой емкостью крестьянского рынка вследствие отмены крепостного права в 1861 г. К особенностям русского империализма М. Б. Гольман также отнес высокий государственный и внешний долг России, преобладание вывоза товаров над вывозом капитала, а в вывозе товаров преобладание сырья, а не готовой продукции и средств производства, что свидетельствовало о «недоразвитости» русского империализма. Причем немаловажную роль в этом он отводил сознательной политике иностранного капитала, который вкладывал средства в основном в добычу сырья, стремясь сделать страну сырьевым придатком мирового капитализма.

Именно слабостью и зависимостью в экономическом отношении от иностранного капитала М. Б. Гольман объяснял рост милитаризации экономики и агрессивности царизма, т. е. его стремление военным путем компенсировать экономическую отсталость. В доказательство он привел расчеты, согласно которым военные расходы России постоянно увеличивались и достигли к началу первой мировой войны 40–60 % всего бюджета.

От особенностей русского империализма М. Б. Гольман отталкивался при объяснении слабости реформизма в рабочем движении, ибо недостаточно развитая отечественная экономика не позволяла монополиям подкупать верхушку рабочего класса, а давала возможность обеспечить только высокий уровень жизни русской интеллигенции. Этим он объяснял и враждебное отношение большей части русской интеллигенции к событиям Октября 1917 г.

Свои рассуждения М. Б. Гольман отразил в общем выводе. Русский империализм хотя и являлся «дочерним», был средним, относительно зрелым в смысле степени монополизации и обобществления производства, а поэтому готов к социалистической революции. В силу же сложных переплетений экономических и политических противоречий в развитии русского империализма Россия являлась базой для мирового революционного пролетариата.

О значении работы М. Б. Гольмана можно судить по неоднозначному и широкому резонансу в экономической литературе СССР [43, 44]. Если С. Г. Струмилин (редактор и автор предисловия) и З. Смушков ее высоко оценили как важный вклад в дальнейшее развитие ленинской теории империализма, то, например, И. Ф. Гиндин и

Е. Грановский подвергли критике ряд используемых автором методов и сделанных на их базе обобщений. И. Ф. Гиндин особое внимание обратил на методы подсчета М. Б. Гольманом доли иностранного капитала в экономике России. К недостаткам он отнес отсутствие учета переливания русского капитала в другие страны, вкладывания средств в ценные бумаги, неправомерность разделения при определении котировок акций бирж на иностранные и внутренние и т. д.

На наш взгляд, определенный интерес представляют исследования М. Б. Гольмана по причинам неравномерного экономического развития стран в эпоху империализма [45, 46]. Если раньше, считал М. Б. Гольман, доминирующую роль в неравенстве играли естественные условия, то теперь, хотя они и не устраняются, первенствующее значение приобретает экономическая политика, проводимая буржуазными государствами. Поэтому он высоко оценил попытку советского экономиста А. Мотылева выявить причины быстрого роста экономики США с учетом этого фактора и отрицательно отнесся к подходу другого советского экономиста С. Фалькнера, который рост могущества США объяснял только наличием благоприятных естественных условий. В доказательство М. Б. Гольман привел Россию и Китай, которые не менее богаты природными ресурсами, чем США, однако в экономическом развитии от них значительно отстают.

Недостаточным для объяснения причин неравномерности экономического развития в эпоху империализма М. Б. Гольман считал подход Б. Борилина и А. Айхенвальда, т. к. этот подход опирался на скачкообразность технического прогресса и диспропорциональность развития отдельных отраслей. По мнению белорусского ученого, эти авторы не учитывали модификацию открытого К. Марксом закона тенденции понижения нормы прибыли. Перелив капитала и скачкообразность технического прогресса в условиях империализма затрудняются вследствие экономического раздела мира между международными монополиями. Поэтому, на его взгляд, выводить неравенство только из закона стоимости уже явно недостаточно.

Как видно, М. Б. Гольман попытался подойти к вопросу неравномерности экономического развития комплексно, отмечая важность учета естественных условий, экономической политики, закона стоимости и закона тенденции нормы прибыли к понижению, модифицированных в эпоху империализма.

Проведенный им анализ кризисов в эпоху империализма позволил автору сформулировать такие их особенности, как превращение

периодических кризисов в хронические, уменьшение промежутка времени между ними, вялая конъюнктура при экономическом подъеме и т. д. Применив выявленные промежутки между кризисами в 6–7 лет, он в 1928 г. предсказал вступление капиталистических стран в 1929 г. в новый кризис. При этом он объяснил причины стабилизации капиталистической экономики в 20-е гг. снижением зарплаты, удлинением рабочего дня, повышением интенсивности труда, техническим перевооружением. По его мнению, данная стабилизация была временной, хотя он не исключал резервов капитализма, назвав среди них рационализацию, трестирование, экспорт капитала, милитаризацию.

В поле зрения М. Б. Гольмана также находился вопрос о всеобщем кризисе капитализма. Он не был согласен с распространенным мнением, будто этот кризис есть результат периодических промышленных кризисов. Им было обосновано, что современный кризис капиталистического мирового хозяйства является результатом кризиса всей капиталистической системы в целом.

М. Б. Гольман попытался вывести возникновение всеобщего кризиса из 4-х основных противоречий капитализма. Во-первых, из противоречия между неограниченными способностями капиталистических производительных сил и недостаточно быстрыми темпами расширения рынка. Во-вторых, из наличия диспропорциональности в развитии отдельных отраслей. В-третьих, из противоречия между непрерывно растущим обобществлением производства и сохраняющимся частнокапиталистическим характером присвоения. В-четвертых, из противоречия между ускоряющимся возрастанием стоимости основного капитала и падением нормы прибыли. Все эти противоречия М. Б. Гольман обосновывал, опираясь на фактические данные работ К. Каутского, Калвера, Парвуса и Р. Люксембург.

Подробное описание особенностей современного капитализма дало ему основание сформулировать определение: «Современный кризис капитализма мы называем всеобщим не только потому, что он включает простейшие черты (хроническое перепроизводство, загнивание, передел рынков), которые уже коренным образом отличают его от общих периодических кризисов, но также и потому, что он есть не только технический и экономический, но также социальный и политический кризис» [47]. Как известно, подобные по содержанию, но в иной редакции определения всеобщего кризиса капитализма позже надолго вошли во все учебники по политэкономии, написанные советскими, в том числе и белорусскими, экономистами.

Исходя из таких методологических посылок, М. Б. Гольман не согласился с выводом Люксембург об автоматическом крушении империализма вследствие сужения мирового рынка, ибо без насильственного переворота нельзя устранить все противоречия империализма.

В исследованиях ученых БГУ нашли отражение и некоторые проблемы всемирного капиталистического хозяйства после первой мировой войны. Так, И. В. Герчиков [48–50] в результате анализа межимпериалистических противоречий пришел к выводу о стремлении капиталистических стран к автаркии с тем, чтобы в экономической борьбе создать условия для образования определенных замкнутых больших территорий с огромными природными ресурсами. Им уже тогда были выявлены три формирующиеся автаркии: Пан Америка, объединяющая Южную и Северную Америку, во главе с США, Пан Азия во главе с Японией и Пан Европа¹. Как тенденцию он, очевидно, достаточно точно предвидел необходимость более тесного сотрудничества сопредельных стран, но явно недооценил другую тенденцию – экономическую интеграцию во всемирном масштабе.

И. В. Герчиков исследовал и начало распада Британской империи, выявив определенные закономерности. В частности, распад этой империи начался с усиления экономической независимости наиболее развитых колоний (Австралия, Канада, Индия), за которой, по его мнению, обязательно должна наступить их политическая независимость². В результате своих расчетов, а также данных советских экономистов Е. Варги и Н. Любимова И. В. Герчиков сделал вывод о потере Англией положения всемирного кредитора после первой мировой войны, поскольку эта миссия перешла к США.

В рассматриваемый период проходили дискуссии по проблемам империализма и среди самих ученых БГУ, о чем свидетельствует, например, критика М. Б. Гольмана ряда теоретических положений И. Я. Герцыка. Он обратил внимание на две трактовки И. Я. Герцыка относительно зарплаты и кризисов при империализме. Определение зарплаты как результата классовой борьбы и производительности труда, по мнению М. Б. Гольмана, ведет к оправданию капиталистической эксплуатации. С этой целью он определил зарплату как превращенную форму стоимости рабочей силы, хотя и не отрицал колебания зарплаты под воздействием спроса и предложения. Действительно, по

¹ В конце XX в. эта тенденция начала реализовываться на практике, хотя преобладающее значение приобрела глобализация.

² В конце XX в. эти страны стали практически независимыми.

М. Б. Гольману, на спрос и предложение рабочей силы могут влиять профсоюзы и организованность рабочего класса, но только влиять, а не определять. «Силы пролетариата и капиталистов оказывают влияние на повышение и понижение заработной платы, но лишь в смысле организованного воздействия на слепые законы капиталистического производства» [51]. Такой подход М. Б. Гольман назвал близким к взглядам М. В. Туган-Барановского, неправильность которых он уже пытался показать в другой своей работе [52].

М. Б. Гольман не согласился с мнением И. Я. Герцыка о смягчении кризисов при империализме. Такой подход он назвал близким к выводу Гильфердинга. В целом М. Б. Гольман охарактеризовал взгляды Герцыка как оппортунистические и меньшевистские.

Определенный интерес представляет фундаментальное исследование В. Н. Перцева, посвященное экономическому развитию Англии [53]. В ней прослежена эволюция развития всех отраслей народного хозяйства страны. Особое внимание обращается на положение рабочего класса. Расчеты В. Н. Перцева подтвердили вступление страны в стадию некоторой организованности и координации действий путем вмешательства государства в экономическую жизнь. С другой стороны, был отмечен факт консолидации как рабочего класса через тред-юнионы, так и буржуазии путем создания союзов предпринимателей и монополий.

При исследовании кризисов в Англии В. Н. Перцев определил их особенности по М. И. Туган-Барановскому: отсутствие крупных фаз, оживление и падение производства. В то же время монополизацию производства в Англии он выводил из протекционистской политики, т. е. близко стоял к позиции М. Покровского. В результате проведенного исследования В. Н. Перцев отметил улучшение положения рабочего класса, объясняя это развитием фабричного законодательства, введением минимальной заработной платы и социального страхования, поддержав в этом выводы В. Зомбарта. На наш взгляд, все это говорит о том, что у В. Н. Перцева ощущался эклектизм при конкретном историко-экономическом исследовании Англии, который был связан с неоднозначной трактовкой сущности империализма в экономической литературе СССР 20-х гг.

Помимо историко-экономических исследований, посвященных России и Западу, в БГУ много внимания уделялось проблемам истории развития народного хозяйства Беларуси. Причем эти исследования носили не только познавательный характер, но имели методологическое значение, поскольку при разработке перспектив экономиче-

ского развития БССР плановые органы республики, в том числе Госплан, использовали генетический принцип планирования, основанный на учете эволюционных тенденций, о чем уже говорилось при рассмотрении роли В. И. Пичеты.

Как и В. И. Пичета, по заданию правительства республики М. В. Довнар-Запольский осуществил фундаментальное исследование развития народного хозяйства Беларуси в 1861–1914 гг., т. е. в период становления и укрепления капитализма в экономике, расширения рыночных отношений [54]. Анализ этому исследованию дал доктор экономических наук, нынешний профессор БГУ Л. П. Черныш [55]. Поэтому, не вдаваясь глубоко в рассмотрение вопроса М. В. Довнар-Запольским, выделим ряд теоретических выводов, сделанных им на основе проведенного исследования, которые до сих пор являются предметом дискуссий среди современных историков-экономистов нашей республики. Прежде всего, это периодизация анализируемого периода с точки зрения степени развития капитализма и рыночных отношений в экономике Беларуси. В работе 60–80-е гг. XIX в. были охарактеризованы как период существования рудиментов крепостничества и попыток самостоятельного ведения белорусскими крестьянами своего хозяйства, т. е. примерно 20 лет после отмены крепостного права экономика Беларуси приспособилась к новым условиям хозяйствования, кардинально не меняясь; переходными были названы 80–90 гг., когда стали осуществляться сдвиги в недрах полуфеодального хозяйства, т. е. главным в переходный период М. В. Довнар-Запольский считал не сами институциональные перемены, а результаты этих перемен, и, наконец, с начала XX в. наступила эпоха ускоренной капитализации не только сельского хозяйства, но и отечественной промышленности. Представляется, что подходы М. В. Довнар-Запольского к периодизации рыночных преобразований не потеряли актуальности для сегодняшней оценки реформирования экономики Республики Беларусь и формирования теории трансформационного общества.

Заслуживают внимания выводы автора о низком уровне развития белорусской промышленности за 1861–1914 гг. по сравнению с общероссийской тенденцией и огромных успехах сельского хозяйства, а также оценка столыпинской реформы и причин медленного развития капитализма в экономике Беларуси. В результате столыпинских аграрных преобразований, на его взгляд, «исконный подворник-белорус... охотно подтянулся к укреплению земли в личную собственность и к выделению из села либо своего участка, либо даже к выделению на отруба» [31, 54]. Очевидно, что такое заключение имело

определенное влияние на аграрную политику 20-х гг. в БССР, получившую впоследствии название «прищеповщина» по имени наркома земледелия республики А. Д. Прищепова. Что касается причин, сдерживающих экономическое развитие Беларуси, то М. В. Довнар-Запольский, как большинство обвиненных позже сторонников «национал-демократизма», явное предпочтение отдавал борьбе между центром России и Польшей и стоящей за ней Германией за белорусский рынок, а также проводимой колониальной политике России в Беларуси, направленной на превращение ее в рынок сырья, сбыта и дешевой рабочей силы. В целом это исследование М. В. Довнар-Запольского в переходе разгрома «белорусской кондратьевщины» было в экономической науке БССР охарактеризовано как неонародническое [57].

Значительный вклад в исследование того же исторического периода внес в то время профессор БГУ А. А. Смолич [58]. В своей работе [59] он больше внимания уделил решению проблем сочетания природных и экономических факторов при определении тенденций в развитии народного хозяйства Беларуси, плотности населения, размещению производительных сил и формированию специализации производства в отдельных районах под влиянием рыночных условий, связи социальной структуры общества со структурой экономики. Положив в качестве критерия развития социальную структуру, тенденции в динамике городов и местечек, он сделал, на наш взгляд, неоднозначный вывод о том, что «в своей экономической истории Беларусь проходила все те этапы развития, что и смежная с ней Западная Европа, и в результате имела социальную структуру ближе к западноевропейской, чем московской». Своеобразную оценку А. А. Смолич дал и развитию отечественной промышленности, назвав ее гармоничной, поскольку промышленные предприятия первоначально ориентировались на удовлетворение потребностей местного рынка, а затем уже внешнего.

Таким образом, ученые БГУ внесли крупный вклад в становление историко-экономического направления в экономической науке БССР. Речь идет об исследовании истории развития народного хозяйства Беларуси до 1917 г., когда впервые она была выделена в качестве самостоятельного объекта рассмотрения всех отраслей (В. И. Пичета, М. В. Довнар-Запольский, А. А. Смолич); экономической мысли Запада, классификации и обобщению ее достижений (И. Я. Герцык); экономической сущности фашистской идеологии (Н. Н. Коноплин); проблем империализма и особенностей развития мирового капиталистического хозяйства в начале XX в. (М. Б. Гольман, И. В. Герчиков, В. Н. Перцев). Историко-экономические работы носили прикладной

характер, имея цель выявить тенденции и факторы экономического развития Беларуси в условиях становления рыночных отношений, формирования понятийного аппарата «политэкономии социализма». Результаты этих исследований использовались плановыми органами республики при преподавании в БГУ и других вузах БССР историко-экономических дисциплин.

Исследования конъюнктуры

Видную роль в 20-е гг. в области решения проблем планирования играл доцент БГУ А. И. Шейнин, который одновременно возглавлял конъюнктурное бюро Госплана БССР, созданное в 1924 г. совместно с председателем Конъюнктурного Совета, впоследствии председателем Госплана БССР, ректором Коммунистического университета в Минске С. Л. Гельтманом. Он показал роль и значение конъюнктуры в условиях сочетания командно-административных и рыночных методов управления экономикой: «Использование динамических процессов, происходящих в нашем народном хозяйстве, должно иметь своей целью направить работу планирующих органов в русло осмысления их и постижения связи различных элементов народного хозяйства» [60]. Конъюнктурные исследования должны были объединить в единую систему планы отдельных предприятий и отраслей народного хозяйства путем увязки стоимостных показателей, характеризующих состояние рынка в БССР. Как видим, А. И. Шейнин разделял подход создателя советского конъюктуроведения Н. Д. Кодратьева, по которому ядром науки о планировании является изучение динамических закономерностей развития хозяйства [61].

А. И. Шейнин осуществил разработку первого в истории конъюнктурного обзора по БССР за октябрь 1924 г. Этот обзор включал следующие разделы: заготовка хлебофуража и сырья, сельхозналог, товарооборот, промышленность, кредит, индексы и цены, финансы, труд, грузооборот, состояние озимых, общие выводы. До конца 20-х гг. структура разделов существенно не менялась, эволюционизируя в сторону большей детализации показателей каждого раздела. Конъюнктурные наблюдения охватывали главные сферы экономической жизни Беларуси. Обзоры о состоянии народного хозяйства республики постоянно публиковались в журнале «Советское строительство». В результате общественность и хозяйственные организации получали полную информацию о движении экономики за истекший период: месяц, квартал, полугодие, год.

И в последующем автором большинства конъюнктурных обзоров народного хозяйства БССР, анализ которых позволяет нам выделить наиболее существенные выводы и определить вклад специалистов конъюнктуры в изучение экономики республики в годы нэпа, являлся А. И. Шейнин. Во-первых, была выявлена тесная связь торговой конъюнктуры БССР со складывающейся конъюнктурой в СССР в целом и доказана невозможность достижения экономического равновесия на уровне союзной республики усилиями только органов власти на местах. А. И. Шейнин одним из первых в экономической мысли БССР писал об опасности нарушения спроса и предложения как основного условия развития рыночной экономики, а также усиливающейся диспропорций цен на промышленные и сельскохозяйственные товары. В середине 20-х гг. он выступил против позиции тех, кто вину за рост цен ввалил на частную торговлю, видя главную причину в несоответствии спроса и предложения на промышленные товары, в неспособности отечественной промышленности обеспечить население необходимым.

Неопределенность роли и места конъюнктурных наблюдений в управлении экономикой проявились в дискуссии, развернувшейся на совместном заседании СНК и ЭКОСО БССР по конъюнктуре народного хозяйства республики за 1926–1927 гг., на котором с докладом выступил А. И. Шейнин [62]. В своем докладе он уже определил для оценки конъюнктуры новый критерий, т. е. степень выполнения тех задач, которые ставит плановое хозяйство на данный период. Поскольку основной плановой задачей являлось развитие производительных сил без сбоев и диспропорций, развитие тех сфер экономики, которые поддаются государственному регулированию, и рост производственного потребления в национальном доходе, он обратил особое внимание на такие отрицательные моменты, как опережение роста кредита по сравнению с другими показателями развития экономики, снижение рентабельности государственных и кооперативных предприятий, рост промышленности за счет экстенсивных факторов, за счет роста рабочей силы, нарастание товарного голода, диспропорции спроса и предложения и т. д. В целом по докладу А. И. Шейнина и по результатам обсуждения СНК БССР в постановлении отметил опасность роста не подкрепленных товарами кредитных ресурсов, нарушение равновесия на товарном рынке, нарастание диспропорции между спросом и предложением. Вместе с тем по взглядам А. И. Шейнина уже было видно смещение акцентов в задачах конъюнктуры на отслеживание выполнения плановых заданий.

После начала репрессий сотрудников Конъюнктурного института в Москве, в том числе его директора Н. Д. Кондратьева, один из сотрудников этого учреждения, В. А. Ревякин, в конце 20-х гг. стал преподавать в БГУ, успев опубликовать две работы в «Трудах Конъюнктурного института». В этих работах он на примере колебания цен и экспорта масла разрабатывал методы применения математической статистики в экономике [63, 64].

Таким образом, можно утверждать, что ученые БГУ приняли активное участие в становлении нового направления в экономической науке БССР – конъюктуроведения. Они являлись пионерами в области организации и осуществления конъюнктурных наблюдений в 20-е гг. В 30-е гг. в БССР, как и в СССР в целом, это направление исследований было свернуто, слово «конъюнктура» стало называться буржуазным, ассоциирующимся с рыночными отношениями и вульгарной политэкономией. Что касается А. И. Шейнина, то он в 1931 г. был арестован органами ОГПУ и признан ими, наряду с И. Я. Герцыком и заведующим планово-экономическим сектором Белкоопсоюза И. Гармизой, руководителем Белорусского филиала меньшевиков.

Кроме конъюнктурных исследований, А. И. Шейнин готовил все ежегодные контрольные цифры развития народного хозяйства БССР до 1931 г. и первого пятилетнего плана. Сущность методологических подходов белорусских экономистов, в том числе А. И. Шейнина, к планированию, их участие в общесоюзных дискуссиях о соотношении плана и рынка в годы нэпа уже подробно освещены в экономической литературе [65, 66]. Отметим лишь, что в конце 20-х гг. А. И. Шейнин стал менять свои взгляды на планирование. В 1928 г. он подверг резкой критике разработки Конъюнктурного института на примере рассмотрения подходов соратника Н. Д. Кондратьева А. Л. Вайнштейна [67], поддержав в этом отношении С. Г. Струмилина и А. А. Леонтьева, которые в полемике с Н. Д. Кондратьевым обосновывали необходимость вытеснения частного предпринимательства внешнеэкономическими методами и использования планового регулирования советской экономики в качестве главного рычага выхода из хозяйственных трудностей, возникших в СССР в 1927 г. Поэтому А. И. Шейнин считал, что А. Л. Вайнштейн, как сторонник Н. Д. Кондратьева, абсолютно не понимает «сущности нэпа и природы современного хозяйственного строя СССР».

Иной формой участия ученых БГУ в дискуссиях о планировании в тот период являлся анализ разрабатываемых Госпланом БССР прогнозируемых макроэкономических показателей. В частности, доцент БГУ С. Л. Певзнер в опубликованном аналитическом обзоре контрольных цифр народного хозяйства БССР на 1927–1928 хозяйствен-

ный год [68], положительно в целом охарактеризовав проделанную работу белорусских плановиков, высказал ряд критических замечаний. Речь у него шла о необоснованности планируемого роста спроса местного крестьянства на промышленные товары производственного назначения, роста промыслового налога и снижения поступлений в местный бюджет по статье «Прочие доходы».

Исследования по проблеме экономического районирования

Составной частью общей проблемы планирования являлась проблема экономического районирования. А. А. Смолич в 1924 г. был назначен секретарем специальной комиссии при СНК БССР по новому административному делению республики, поскольку проблемами экономического районирования А. А. Смолич стал заниматься еще будучи в эмиграции, издав первый в истории учебник по географии Беларуси [70]. Уже в этом учебнике, используя труды польских исследователей С. Волловича и А. Рехмана, а также русского географа П. П. Семенова-Тян-Шаньского, на основании географического подхода он сделал вывод, что этнографическая Беларусь (включая часть, входящую в Польшу, Россию, Литву, Латвию и Украину) представляет собой единое целое, несмотря на отличия в хозяйственном отношении.

Для практического осуществления экономического районирования этнографической Беларуси А. А. Смолич в качестве систематизирующих признаков определил такие, как плотность населения, устройство поверхности земли и характер хозяйственных связей между различными территориями через анализ товарооборота. Такой подход был впервые применен при экономическом районировании Беларуси. В результате им были выделены 24 экономических района и определена специфика размещения производительных сил в каждом из этих районов.

Новый шаг в исследовании проблем экономического районирования А. А. Смолич осуществил при конкретном учете природных условий и ресурсов, рассматривая эти районообразующие факторы в качестве потенциала для определения перспектив дальнейшего экономического развития отдельного региона. В своей работе [71, 72]¹ он

¹ За данное исследование, а также работу «Размещение населения на территории БССР» А. А. Смолич был награжден малой Золотой медалью Русского Географического товарищества. В отзыве на эти книги известный русский ученый-географ П. П. Семенов-Тян-Шаньский писал: «Обе книги проф. А. А. Смолича должны порадовать каждого истинного географа, т. к. в обеих книгах в основу экономического изучения белорусского края он положил географические признаки».

придерживался географического метода районирования, который разработали П. П. Семенов-Тян-Шаньский, Г. Танфильев, украинский академик П. А. Тутковский. Этот метод основывался на выявленных особенностях геологического строения района. Тем самым в экономической мысли БССР А. А. Смолич подошел к важности изучения проблемы взаимодействия «природа-общество-человек», необходимости определения закономерностей территориальной дифференциации и географического разделения труда.

В 1927 г. с усилением внимания правительства республики к расширению прав местных органов власти в Белорусском НИИ сельского и лесного хозяйства была создана специальная группа по проведению мелкого сельскохозяйственного районирования во главе с А. А. Смоличем. Результаты работы этой группы были обобщены ее руководителем в фундаментальном труде, опубликованном в 1930 г. [73].

В предисловии автор отметил изменение ситуации в конце 20-х гг., связанной с переходом к плановому управлению экономикой, коллективизации и индустриализации. Эти изменения, как подчеркивалось им, вызывают постановку новых задач перед экономическим районированием: ускорение развития социалистических форм хозяйствования и создание агроиндустриальных комбинатов в ходе массовой коллективизации.

А. А. Смолич считал метод А. Челинцева в условиях усиления плановых начал в управлении неприемлемым, ибо главным двигателем развития производства становится «воля государства». А. А. Смолич обосновал, что, дав современную специализацию районов Беларуси и суммируя энергетические и сырьевые ресурсы, можно будет подойти к определению перспектив сельскохозяйственного районирования.

Интерес представляют выделенные им экономические факторы, влияющие на специализацию сельского хозяйства. Это влияние рынка через связь крестьянских хозяйств с городом, плотность населения, а также возрастающая роль государства. Однако в силу недостаточной эмпирики, по его признанию, государственный фактор он еще не смог отразить в своем исследовании, обосновывая размещение производительных сил на конкретных территориях. При рассмотрении географических типов сельского хозяйства БССР А. А. Смолич за основу принял формулировку А. А. Котова, согласно которой тип сельского хозяйства означает его интенсивность, соотношение отраслей, рыночность и рыночную специализацию.

На основе изложенных методологических посылок А. А. Смолич подробно исследовал в каждом районе системы земледелия, определил ее специализацию земледелия (картофель, лен, и т. д.) и животноводства (мясное, молочное, свиноводческое и т. д.). Это позволило ему разделить территорию БССР на 13 крупных сельскохозяйственных районов. Например, Минско-Слуцкий им был охарактеризован как район интенсивного животноводства и плодосеменно-картофельной направленности. Выделенные 13 районов он затем по степени близости сгруппировал еще в 5 и определил перспективы их дальнейшего экономического развития.

В 1930 г. А. А. Смолич определил значение экономического районирования в системе централизованной экономики. «Районирование, – писал он, – в системе плановых работ детализирует и конкретизирует план народнохозяйственного строительства» [74]. В связи же с установкой на массовую коллективизацию он обрисовал перспективы сельскохозяйственных районов, которые в дальнейшем будут состоять из ряда крупных агроиндустриальных комбинатов. Поэтому, на его взгляд, если раньше районирование основывалось исключительно на изучении существующих географических типов, сформированных стихийно под воздействием рынка, то при господстве планового хозяйства типы хозяйств будут изменяться не эволюционным, а революционным путем. Как видим, взгляды А. А. Смолича менялись на протяжении сложных 20-х гг.

В конце 20-х гг. исследования А. А. Смолича по экономическому районированию БССР были подвергнуты уничтожительной критике. «Вся сущность этого метода районирования, – писал, например, В. Фема, – заключается в том, чтобы на основе изучения эволюции экономики прошлого, старого, стихийного созданного, начиная с 1881 г. «предвидеть» будущее планово-социалистическое. Эта теория ничем не отличается от кондратьевской» [75]. Не вдаваясь в полемику с такой оценкой, отметим следующее. Во-первых, ныне метод Н. Д. Кондратьева в экономической науке Запада и России оценивается высоко. Во-вторых, А. А. Смолич в предисловии заявлял о недостаточности используемого им метода районирования, основанного на эволюции, и не отрицал при этом возрастающую роль государства и плановых начал при размещении новых производительных сил.

Теоретически возможность скачкообразного развития, связанного с высокими темпами индустриализации в СССР, попытался обосновать М. Б. Гольман. Причем особый упор он сделал на уменьшение

последствий диспропорционального развития различных отраслей народного хозяйства в результате индустриализации. Какие же аргументы белорусский экономист выдвинул? Во-первых, возможность перейти к новейшей технике, минуя предшествующие стадии. Во-вторых, несвязанность со старыми капитальными вложениями, ибо ни норма, ни масса прибыли уже не являются главным стимулом производства в обобществленном секторе экономики. В-третьих, возможность плановым путем устранить несоответствие между промышленностью и сельским хозяйством. В-четвертых, наличие общественной собственности, которая имеет преимущества перед частной. В-пятых, возможность максимального перераспределения государством национального дохода. «Поэтому, – заключалось им, – скачкообразность технического развития, а следовательно, и скачкообразность индустриализации СССР может быть гораздо более стремительной, чем в любой капиталистической стране» [76]. Как видим, и здесь при обосновании скачкообразности экономического развития основное внимание уделено неисчерпаемой возможности планирования и централизованного управления.

Вышеизложенное позволяет заключить, что ученые БГУ принимали активное участие как в теоретических дискуссиях по проблемам планирования в годы нэпа, так и в непосредственных разработках планов развития народного хозяйства БССР. Результаты исследований А. И. Шейнина нашли отражение в составляемых ежегодных контрольных цифрах и в материалах первой пятилетки, а А. А. Смолича – при осуществлении хозяйственно-административного деления БССР.

Исследования в области экономики предприятий

Наиболее крупный вклад в исследование кустарной промышленности внес преподаватель БГУ А. М. Арцимович [77], а промысловой кооперации – доцент С. Л. Певзнер [78].

А. М. Арцимович с целью определения сущности мелкой промышленности и классификации ее форм рассмотрел понятия «производство» и «хозяйство», разделяя в этом подходы В. Зомбарта, изложенные в знаменитом труде «Современный капитализм». Поэтому под производством или производственной единицей белорусский ученый понимал организацию, созданную для выполнения работы в течение длительного периода, а признак производства или производственной единицы – единство подготовки и непосредственного процесса труда, тогда как хозяйством или хозяйственной единицей можно на-

звать ту организацию, которая создает субъект хозяйствования с целью достижения полезного эффекта. Такое понимание производства и хозяйства сблизил, на наш взгляд, А. М. Арцимовича с позицией от-носительно кустарного производства В. Варзара.

Вместе с тем А. М. Арцимович не принял классификации форм промышленности, данной В. Зомбартом, полагая, что формы производства, определяющиеся производственно-техническими моментами, проще форм хозяйствования, которые отражают также социально-экономические отношения эпохи. Как форму производства он рассмотрел ремесло с точки зрения техники, величины и способа сочетания производственных факторов. Техника ремесленника в таком случае характеризуется, на его взгляд, господством эмпирических приемов производства, связанных с личностью мастера. С позиции размера производства он отнес ремесло к мелкой форме, критически подойдя к утверждению В. Зомбарта, согласно которому ремесло может совпадать с крупным производством.

А. М. Арцимович подверг критике подход М. И. Туган-Барановского и В. Зомбарта, заключающийся в утверждении отсутствия в ремесле оборотного капитала, выдвинув следующие аргументы. Ремесло является промежуточной ступенью, которой предшествует этап домашнего хозяйства. Поэтому ремесленник работает на заказ или одновременно на местный рынок и является не только организатором, но и исполнителем всех функций, т. е., по его мнению, в ремесле нет отделения функций руководителя от функций исполнителя. Такой подход позволил А. М. Арцимовичу сформулировать собственное определение ремесла, включающее в себя различные формы производства и хозяйства. Как форма производства оно «характеризуется мелкими размерами, эмпирической техникой и таким сочетанием производственных факторов, при котором продукты его являются результатом труда не коллективного, а единичного рабочего; как форма хозяйства – непосредственной связью с потребителем, исключаящей каких-либо торговых посредников, строго определенными и узкими рамками местного сбыта, средоточием в личности мастера не только организаторских, но и производственных функций и отсутствием сколько-нибудь значительной капитализации имущества» [77, 115].

Относительно кустарной промышленности А. М. Арцимович придерживался позиции К. Бюхера, В. Зомбарта, М. И. Туган-Барановского и А. Рыбникова, согласно которой для кустарной промышленности связь с сельским хозяйством не обязательна, а следовательно, кустарная промышленность может быть как сельской, так и город-

ской. Он подверг сомнению трактовку К. Бюхера кустарной промышленности за ее неопределенность, поскольку широкий сбыт, сбыт через посредника и зависимость от посредника охватывают и мелкие хозяйства, объединяемые по линии сбыта с посредником и работником на дому. Все это позволило белорусскому ученому сделать вывод о том, что как форма производства кустарная промышленность не отличается от ремесла, а как форма хозяйства характеризуется непосредственной связью с потребителем через посредника, а поэтому домашнее хозяйство не должно теоретически и статистически относиться к кустарной промышленности.

А. М. Арцимович выявил и другой отличительный признак кустарных и ремесленных предприятий. Если первые обнаруживают территориальную концентрацию, вызванную территориальной специализацией по определенным кустарным производствам, то вторые отличаются большей хозяйственной самостоятельностью и связью непосредственно с потребителем, минуя рынок. Это позволило ему заключить, что кустарная промышленность стоит ближе к крупной индустрии, а ремесло же по мере развития рынка переходит или в кустарную форму, или же в мелкое частнокапиталистическое предприятие. В этом отношении белорусский ученый отстаивал те же взгляды, что и русский экономист Н. Подгуг [79]. На основе теоретических рассуждений А. М. Арцимович заключил, что ремесленные и кустарные предприятия наряду с малыми государственными, кооперативными и частнокапиталистическими, в которых руководство отделено от исполнения, относятся к формам мелкой промышленности.

Стратегическая установка на кооперирование кустарной промышленности обусловила необходимость теоретических разработок в области данного вида кооперации, что осуществил С. Л. Певзнер. С этой целью он классифицировал промысловую кооперацию на три группы:

- 1) общие, которые занимаются кредитованием своих членов, посредническими операциями для сбыта и получения сырья, т. е. кредитно-промысловые кооперативы;
- 2) специальные кооперативы, занимающиеся одной операцией, т. е. или сбытом, или снабжением и т. д.;
- 3) коллективно-производственные товарищества, члены которых объединяются для совместного производства.

Белорусский ученый осуществил исследование исторического развития кустарно-промысловой кооперации в Беларуси, разделив его на два периода: до 1917 г. и в годы нэпа. По его расчетам, до 1917 г.

кустарная промышленность в общем объеме промышленной продукции Беларуси занимала 71,6 % против 35,1 % в целом по России, т. е. белорусскую промышленность можно было назвать промышленностью кустарного типа. Однако к концу 20-х гг. доля этого типа в республиканской промышленности составляла уже только 38,2 %.

Исследование С. Л. Певзнера выявило также изменения тенденций в развитии определенных им видов кооперации кустарной промышленности. Если до 1926 г. в БССР развивалась преимущественно кредитно-сбытовая кустарная промышленность, то с 1926 г. производственная. Это он объяснял существованием ряда льгот для производственного кооперирования в виде льгот по налогам, на покупку сырья, получение кредита и т. д. В то же время процесс производственного кооперирования, на его взгляд, шел медленными темпами по причине потери инициативы кустарей со вступлением в производственный кооператив и снижения материального интереса всего коллектива в результатах труда. Следовательно, С. Л. Певзнер сигнализировал опасность заорганизованности кустарной промышленности, что могло привести к снижению темпов производства.

Теоретические основы хозрасчета с известным в экономической теории Запада учением о «единичном хозяйстве» увязал профессор БГУ А. А. Манов¹. Рассмотрев взгляды П. Г. Струве, В. Рошера и О. Конта, он пришел к выводу, что наличие в сфере хозяйственных явлений субъективно-целесообразных отношений человека к внешнему миру ставит в качестве самостоятельной научной проблемы «проблему изучения единичного хозяйства с точки зрения изучения происходящих в нем процессов и с точки зрения его организационных и функциональных форм с оценкой их на основе принципа экономической целесообразности» [80]. Признав, что в пределах единичного хозяйства хозяйственные процессы обуславливаются общеэкономическими, А. А. Манов, однако, считал невозможным ограничить исследование единичных хозяйств только анализом общих норм, ибо имеются частные нормы в условиях конкретной экономики. Исходя из важности сочетания общеэкономических и частноэкономических задач, А. А. Манов сформулировал задачи изучения единичного хозяйства, т. е. раздела «микроэкономики» в экономической теории. Эти задачи он свел, во-первых, к исследованию процесса с точки зрения общих экономических задач, во-вторых, к установлению их соответствия

¹ Родился 09.08.1887 г. в г. Юрьевец Костромской губернии. До работы в БГУ преподавал в Одесском институте народного хозяйства.

частным законам, действующим на уровне единичного хозяйства, и, в-третьих, к определению оптимальных условий осуществления процессов для конкретных хозяйственных единиц, во главу поставив эффективность производства.

Проблема сочетания общеэкономических и частных задач при изучении хозрасчета предприятий в экономической мысли БССР нашла отражение при обсуждении вопросов оценки капитальной стоимости, калькуляции себестоимости, определения зарплаты, что видно по исследованию профессора БГУ Л. И. Лубны-Герцыка [81]. Он исходил из того, что советское государство в условиях нэпа должно видеть в рынке положительные и отрицательные моменты, положив в основу возможность повышения производительных сил, а «для того, чтобы оценивать производительность промышленных предприятий, необходимо выразить в единообразных величинах как результаты их производства, так и издержки». Проанализировав современную советскую литературу, он не согласился с подходом С. Г. Струмилина, В. Я. Железнова и Л. А. Вайнштейна, согласно которому главное состоит в определении стоимости валовой продукции предприятия, тогда как, по мнению Л. И. Лубны-Герцыка, более важным является методика единообразного выражения издержек производства.

Подход С. Г. Струмилина белорусский ученый отнес к принципам частнохозяйственного расчета, восходящим к классической политэкономической школе А. Смита и Д. Рикардо. Подробно не останавливаясь на неверности такого подхода, он поддержал идею Д. Кейнса о необходимости (с народнохозяйственной точки зрения) государственного вмешательства в частное предпринимательство. Исходя из методологической посылки, обоснованной Кейнсом, Л. И. Лубны-Герцык не согласился с решением валютной комиссии наркомата финансов РСФСР во главе с Л. Юровским, выводящей степень квалификации труда работников через разработанные тарифы, определяющие затем оплату и оценку труда. Обоснование неправомерности этого подхода у него строилось на отрицательном отношении к денежной оценке оплаты труда, тогда как оценка труда всегда является продуктом человеческих суждений, т. е. субъективна. Положив в основу субъективный метод, Л. И. Лубны-Герцык обосновал целесообразность учета затрат труда в трудах, трудовых эквивалентах, которые показывают соотношение ценностей при соответствующем распределении национального дохода. Как видим, этот белорусский экономист являлся сторонником отражения издержек производства через учет затрат труда в рабочих днях. Разработанный теоре-

тический подход Л. И. Лубны-Герцык применил при определении соответствующих коэффициентов, сведя их в таблицы, с помощью которых перевел капитал в трудовые эквиваленты. Это была одна из первых попыток в экономической мысли СССР осуществить на практике перевод стоимостных показателей в трудовые.

В 1926 г. вновь обострилась дискуссия о трестах, связанная с подготовленным под руководством Ф. Э. Дзержинского ВСНХ СССР новым проектом закона о трестах. Ф. Э. Дзержинский, как известно, ратовал за расширение самостоятельности предприятий, входящих в состав треста, особенно в оперативной деятельности, снабжении и сбыте.

В обсуждении этого проекта принял участие Ф. Гавзе [82]. На основе изучения проекта и Гражданского кодекса СССР он установил, что трест не является собственником имущества. Собственником, на его взгляд, может быть только государство в лице СТО и ВСНХ, которые могут изъять из владения треста любое количество имущества. Однако этот автор учитывал работу треста в рыночных условиях, сформулировав три задачи, которые государство решает, предоставляя ему относительную самостоятельность. Среди них – предоставление предприятиям возможности маневрирования в рыночной борьбе, освобождение казны от риска имущественной ответственности по операциям треста и сохранение за государством на правах собственника командных высот в промышленности.

Проанализировав действующее законодательство, Ф. Гавзе показал существующие ограничения в распоряжении трестами оборотным капиталом в силу того, что ВСНХ устанавливает отпускные цены. Еще большие ограничения, на его взгляд, существуют в производственной деятельности трестов, ибо ВСНХ утверждает их планы, сметы и объемы финансирования. Причем «ограничительная тенденция продолжает развиваться. Главная причина развития этих ограничительных тенденций лежит в проникновении в народное хозяйство планового начала», т. е. ограничение хозрасчетных отношений он увязывал с усилением планового руководства.

Ф. Гавзе отрицательно отнесся к отсутствию в проекте вопросов распоряжения и пользования имуществом входящих в трест заведений. Свою позицию он обосновал отсутствием в таких условиях связи руководителей этих заведений с рынком и ослаблением у них стимула к достижению основных принципов хозрасчетной деятельности, максимума результатов при минимуме затрат.

В то же время Ф. Гавзе поднял при этом теоретический вопрос о необходимости разграничения понятий «коммерческий расчет» и «хо-

зяйственный расчет». На его взгляд, коммерческий расчет означает, что главной целью работы трестов является получение максимума прибыли, тогда как при социализме прибыль должна регулироваться. Поэтому под хозрасчетом белорусский специалист понимал ведение предприятием деятельности на основе экономического принципа – «максимума результата при минимуме затрат» при определенной хозяйственной и юридической самостоятельности и стремлении к получению необходимой для успешного развития прибыли. По мнению Ф. Гавзе, если коммерческий расчет является частнохозяйственным принципом, направленным на извлечение только прибыли, то хозрасчет больше связан с плановым началом и не обязательно связан с прибылью.

Членами созданной в 1924 г. Ассоциации НОТ при Инбелкульте являлись профессора БГУ М. Я. Кроль, А. Ленц, С. М. Василейский, которые в своих прикладных исследованиях широко использовали разработки психотехнического направления в мировой управленческой мысли, активно развиваемого немецкой школой (М. Крепелин, Ж. Грав, Э. Бурдон, К. Эбезгауз, В. М. Вундт, Г. Мюнстерберг).

Если М. Я. Кроль выявил влияние утомляемости и перерывов на производительность труда белорусских рабочих [84], то, например, А. Ленц [85] психотехнику увязал с необходимостью профессионального отбора. В этой связи А. Ленцем были сформулированы задачи психотехники, состоящие в изучении трудовой обстановки как системы раздражителей (на основе учения И. П. Павлова о рефлексах), соответствующих конкретной профессии рефлексов. Он разработал специальные физиологические и психологические тесты по ряду специальностей, которые затем были апробированы на ряде белорусских предприятий при отборе работников конкретных профессий.

Определенный вклад в развитие психотехнического направления внесла специально созданная лаборатория под руководством С. М. Василейского, которая разработала методику по исследованию организации работы телефонисток и шоферов через учет расходования времени на конкретные операции, подвижность, реакцию, координацию [86]. С. М. Василейский показал отсутствие на предприятиях БССР каких-либо критериев в подборе кадров, поэтому важную роль отвел психотехнике, определил перечень основных телесных и психических свойств, необходимых для соответствующей профессии. Эта лаборатория, открыв курсы психотехники, проводила практические консультации по выбору ряда профессий согласно разработанным психопрограммам.

Таким образом, в экономических исследованиях БГУ важная роль отводилась проблемам функционирования первичного звена народного хозяйства – предприятия и научной организации труда на нем.

Исследования в области агроэкономики

Ученые БГУ приняли также участие в обсуждении проекта «Общие начала землепользования и землеустройства в СССР» (1926–1928 гг.), разработанного в Москве.

В полемику с авторами этого проекта вступил профессор БГУ юрист М. О. Гредингер [86]. Он исходил из правового тезиса, что если носителем права собственности является Союз, то исключается второй вариант, и наоборот. В связи с этим им было обращено внимание на тот факт, что если в Конституции БССР 1925 г. конкретно указывалось, что земля является собственностью республики, то в Конституции 1927 г. это право уже нечетко выражено. М. О. Гредингер не согласился с предложением ряда российских ученых допустить существование одновременного права собственности на землю Союза и союзной республики, мотивируя свою позицию необходимостью различать передачу осуществления права на собственность от передачи самого этого права. В результате он заключил, что «настоящим носителем права собственности на землю является не Союз, а каждая союзная республика в пределах ее территории», а поэтому М. О. Гредингер посчитал анализируемый проект неприемлемым для БССР, требующим серьезной доработки в отношении расширения прав союзных республик.

Введение нэпа остро поставило важный теоретический вопрос о начале развития рыночных отношений в народном хозяйстве. А. А. Смолич [88] обосновал целесообразность создания рыночной среды в экономике, начиная с деревни. Его аргументы свелись к тому, что, чем больше крестьянин будет иметь сельхозпродуктов, тем больше их сможет продать, а затем купить промышленные товары. Таким образом, рост сельского хозяйства явится базой развития отечественной промышленности. И наоборот, если произойдет упадок сельского хозяйства, то это приведет к кризису промышленности и сужению рынка, ибо крестьянин не сможет покупать фабричные изделия, ведя свое хозяйство натуральным образом. Как видим, формирование рыночных отношений А. А. Смолич связывал с развитием крестьянских хозяйств, и в этом его взгляды были, по нашему мнению, близки к позиции тех партийных лидеров СССР (Г. Сокольников и другие [89]), которые отстаивали необходимость развития крестьянских хозяйств через пре-

доставление им экономической свободы, без чего немислимо развитие производительных сил.

В аграрном вопросе одно из важнейших значений в тот период имела проблема перенаселенности. В теоретическом плане этот вопрос исследовал профессор БГУ Л. И. Лубны-Герццк [90]. Он проанализировал различные точки зрения в существующих буржуазных и социалистических экономических школах и сделал вывод, что в современной экономической науке нет единства мнений по понятию «перенаселение».

Если исходить из теории трех факторов производства, то, на его взгляд, основным хозяйственным отношением при капитализме следует признать отношение численности населения к запасу природных благ, поскольку капитал является функцией общественного труда. В то же время новые экономические теории (историческая и предельной полезности), как и теория трех факторов производства, по мнению Л. И. Лубны-Герццка, не могут ни объяснить, ни сконструировать экономические формы, позволяющие создать условия для всеобщего роста материального благосостояния населения и решения проблемы перенаселенности вследствие того, что все они базируются на принципе хозяйственной свободы и конкуренции – главном принципе экономического роста вообще. В этой связи он остановился и на трактовках перенаселенности социологов (М. М. Ковалевского, Г. Спенсера, Ф. Нитта), согласно которым первичным фактором социальной жизни является биологический фактор размножения со всеми отрицательными последствиями.

Вместе с тем Л. И. Лубны-Герццк исходил из того, что проблема населения должна привлекать прежде всего те научные силы, которые разделяют идеалы социализма, поскольку капитализм не может устранить противоречия между духовными устремлениями и императивами действительности. Это положение у него базировалось на выводах К. Маркса о том, что каждый хозяйственный строй имеет свой закон народонаселения и необходимости разделения перенаселения на абсолютное и относительное. С другой стороны, он поддержал сторонников закона убывающего плодородия земли, тесно связанного с экономическим процессом убывающей доходности, ссылаясь на статистические расчеты немецко-латышского экономиста К. Баллода и русского экономиста Г. Нефедова, а также выдвинул положение, согласно которому «перенаселение» является оценочным показателем и его место поэтому в нормативной науке (при социализме, на его взгляд, в организационно-хозяйственной части)¹.

¹ Очевидно, Л. И. Лубны-Герццк находился под влиянием разработанной А. А. Богдановым организационной науки.

Поскольку перенаселение как нормативное понятие зависит от господствующего хозяйственного строя, то Л. И. Лубны-Герцык разработал критерии перенаселенности, в основу которых положил соответствие потребности населения (разделяя при этом понятие «эластичность» потребности) уровню развития народного хозяйства, зависящему от производительности труда. Такой методологический подход позволил ему обосновать вывод о том, что безработица не может являться признаком перенаселения, поскольку она связана с состоянием рынка труда, а не с нехваткой нужных населению жизненных благ. Исходя из разработанных теоретических посылок и опираясь на статистические расчеты русско-советского экономиста С. А. Первушина, Л. И. Лубны-Герцык заключил, что в России потребности нельзя считать удовлетворенными.

Практические же вопросы решения аграрной перенаселенности в БССР нашли отражение в разработанном под руководством А. Д. Прищепова пятилетнем плане восстановления и развития сельского и лесного хозяйства республики, одним из авторов которого являлся А. А. Смолич. В этом плане особое значение придавалось проблеме организации крестьянских хозяйств, поскольку, как и в аграрно-экономической литературе СССР, в БССР также господствовало так называемое организационно-техническое направление.

Весомый вклад в ее развитие внес А. А. Смолич [91]. Он исходил из того, что организация крестьянских хозяйств складывается долго в результате стихийной эволюции. Для определения организации местных крестьянских хозяйств А. А. Смолич использовал метод бюджетно-агрономического исследования, разработанный А. Челинцевым, а конкретно-социологическое обследование провел по выявленным Н. Ярошевичем сельскохозяйственным районам Беларуси. В результате были установлены существенные колебания размеров потребления среди крестьянских хозяйств по различным районам. Этот факт он связал не с различиями в природных условиях, а с уровнем развития рыночных отношений, поскольку расчеты выявили тенденцию: там, где крестьянские хозяйства больше втянуты в рынок, больше размеры потребления. Как видно, еще в 20-е гг. белорусские экономисты установили тесную зависимость размеров потребления от уровня развития рыночных отношений.

Осуществив анализ размеров основных капиталов, организации труда, уровня техники, производительности, А. А. Смолич заключил, что типовым крестьянским хозяйством в БССР является середняцкое, основанное на использовании труда членов семьи. Его расчеты под-

твердили натурально-потребительский характер большинства белорусских крестьянских хозяйств.

Уже в 1928 г. в теоретическом журнале ЦК КП/б/ Белоруссии рецензент этой книги (С. Марчелов) обвинил автора в применении неонароднического метода исследований, который привел к неверным выводам [92]. В частности, это относилось к ставке А. А. Смолича при формировании типа крестьянского хозяйства на природный фактор при увеличении потребительского характера ведения крестьянами своих хозяйств.

Определенный вклад в дальнейшее развитие теории кооперации с учетом опыта кооперативного строительства в годы нэпа внес С. Л. Певзнер [93]. Он показал, что в основе кооперации лежит сотрудничество людей путем объединения их хозяйственной деятельности и критиковал физиологический подход, согласно которому кооперация как сотрудничество присуща и животному миру. Интересна его мысль о существовании определенной преемственности кооперации при капитализме и социализме, ибо социализм вырастает из капитализма.

Много внимания С. Л. Певзнер уделил рассмотрению теории кооперации Э. Бернштейна и Э. Давида, основанной на возможности классово-гармоничной и сотрудничества при капитализме, постепенном захвате кооперацией новых производств и вытеснении капиталистических элементов в производстве путем замены социалистическими. Белорусский исследователь считал возможности кооперации при капитализме ограниченными, поскольку эта кооперация направлена лишь на борьбу с посредническим капиталом, не затрагивая промышленного и финансового. Вместе с тем он не отрицал возможности кооперации стать при капитализме связующим звеном между трудящимися различных отраслей и важности ее роли в повышении их жизненного уровня. К непосредственной функции кооперации при капитализме С. Л. Певзнер отнес обучение трудящихся управлению производством.

Заслугой этого автора является подробно разработанная классификация кооперации, начиная от международных организаций и союзов и завершая первичными ячейками в различных отраслях. Им были раскрыты причины международного объединения кооперации и создания различных союзов: защита интересов перед различными органами власти, обмен опытом, объединение торговых функций.

По мнению С. Л. Певзнера, каждый вид кооперации имеет свой социальный состав в силу разнообразия интересов различных социальных групп трудящихся. Так, у рабочих преобладает потребительская кооперация и нет кредитных товариществ, ибо рабочие не явля-

ются собственниками своего производства. Среди мелких производителей преобладают кредитно-сбытовые, кредитные и сельскохозяйственные кооперативы, так как у мелких собственников есть нужда в оборотных средствах для решения своих производственных задач.

Наибольший интерес привлекают суждения С. Л. Певзнера о роли кооперации в условиях нэпа. Ссылаясь на речь В. М. Молотова «О работе в деревне» на XV съезде ВКП/б/, он поддержал мысль о длительности перехода к высшим формам кооперации. В этой связи С. Л. Певзнер считал необходимым на современном этапе уделять первоочередное внимание завоеванию кооперацией товарооборота, переводу торговли на обобщественные рельсы, а также проведению «действительного» кооперирования. Под этим он понимал широкое реальное участие трудящихся в управлении. В противном случае, по его мнению, кооперация превратится в обычный государственно-технический аппарат. Это было сказано в 1929 г., когда Советская власть стала переходить к политике жесткого контроля над кооперацией. Как видим, при исследовании теоретических проблем кооперации С. Л. Певзнер определял подходы, характерные для таких крупных советских специалистов в области кооперации, как В. И. Ленин, Н. И. Попов, В. Целлариус, М. Балабанов, Д. Коренев.

В конце 20-х гг. в связи с принятым партией курсом на форсированную коллективизацию центральным в аграрном вопросе стала проблема производственного кооперирования крестьянских хозяйств в БССР. В БГУ эту проблему исследовал С. Л. Певзнер.

С. Л. Певзнер в своей работе [94] опирался на труды известных советских экономистов-аграрников: В. Стачинского, К. Киндеева, В. Линтварева, И. Конюхова, С. Круташинского. Прежде всего он остановился на типах и видах сельских хозяйств на Западе и в дореволюционной России, выделив помещичьи, товарно-кулацкие, товарно-крестьянские, т. е. середняцкие и потребительские, т. е. бедняцко-батрацкие. Кулацкие он назвал близкими помещичьим, но с особенностью: наряду с эксплуатацией чужого труда применяют и собственный. Современную белорусскую деревню охарактеризовал как имеющую 4 группы: группу кулаков (4 % крестьянских хозяйств), группу середняков (65 % крестьянских хозяйств), группу бедняков (20 % крестьянских хозяйств) и группу батраков (10 % крестьянских хозяйств), показав отношение к ним Советской власти. Если кулак – враг Советской власти и сила его в частной собственности, с чем борется партия большевиков, а середняк верит в возможность стать богатым и сопро-

тивляется расслоению, являясь союзником рабочего класса, то бедняки и батраки – опора Советской власти, и им она больше всех помогает.

Касаясь причин коллективизации, он считал, что Советская власть хочет переустроить крестьянские хозяйства так, чтобы всем в деревне хорошо жилось, т. е. партия не за всеобщую бедность, а за богатство для всех, видя выход в коллективизации. В этой связи С. Л. Певзнер подробно дал механизм перехода крестьянских хозяйств к коллективным, раскрывая суть машинных товариществ, ТОЗов, артелей и коммун. Он являлся сторонником постепенного перехода от низших форм, колхозов, т. е. машинных товариществ и ТОЗов, к высшим – коммуна, ибо аппетит приходит во время еды, и крестьяне должны постепенно сами убеждаться в преимуществах высших форм обобществления. На примере раскрытия признаков всех форм колхозов С. Л. Певзнер заключал, поддерживая аргументы российского профессора К. Киндеева: «Чем больше объединяют крестьяне свое сельское хозяйство и работу, тем больше выгод она дает».

Автор рассмотрел также виды коллективного земледелия в странах Западной Европы и пришел к выводу о невозможности в капиталистическом окружении добиться, как думали социалисты-утописты Р. Оуэн и Э. Кабэ, некапиталистических коллективных хозяйств, признав в то же время, что коллективные хозяйства для России при Советской власти не новое явление. Подробно остановился С. Л. Певзнер на развитии колхозного движения в БССР, вскрыв его недостатки, такие как формирование лжеколхозов, переоценку идей коллективизма у белорусских крестьян, неправильную организацию оплаты труда из-за уравнительного подхода (например, коммуна «Чырвоны борец» Чашницкого района), отсутствие хорошего управления колхозами и некомпетентность руководства колхозов. Он выяснил социальный состав колхозов БССР к концу 1927 г., который выглядел так: безземельные – 31,5 %, малоземельные – 21,5 % и т. д. По урожайности колхозы, согласно его расчетам, стояли в среднем выше, чем индивидуальные крестьянские хозяйства БССР.

Взгляды С. Л. Певзнера на коллективизацию были подвергнуты критике в центральной печати. Так, Г. Бондарь [95] обвинил его в путанице сущности современного и прежнего колхозного движения, объясняя, что при капитализме коллективные хозяйства создаются не столько для организации коллективного производства, сколько для коллективной аренды и поддержки сохранения мелких хозяйств как базы для их эксплуатации капиталистами, тогда как при социализме коллективизация является базой для социалистического переустройства деревни.

Как видим, в БГУ проводились фундаментальные исследования и по аграрному вопросу, особенно в области организации крестьянских хозяйств (А. А. Смолич) и их кооперирования (С. Л. Певзнер). В этих исследованиях был дан глубокий анализ развития белорусской деревни в годы нэпа. С переходом на форсированную коллективизацию А. А. Смолич и С. Л. Певзнер на страницах белорусской печати подверглись резкой критике за неверие в возможность и эффективность производственного кооперирования местного крестьянства.

Исследования в области экономики образования и здравоохранения¹

Широкий спектр вопросов в период нэпа касался проблемы воспроизводства рабочей силы, экономическую суть которой еще в 70-е гг. рассмотрел Н. И. Базылев [96]. Остановимся лишь на двух из них – экономических аспектах образования и здравоохранения с позиции решения задач развития производительных сил в БССР.

Теоретические аспекты связи экономической среды с состоянием здоровья и медицины рассмотрел С. Я. Вольфсон в докладе, прочитанном в 1929 г. в Научном обществе врачей г. Минска. Придерживаясь марксистского подхода, он обосновал отличие роли и значения медицины при социализме и капитализме с точки зрения воспроизводства рабочей силы. При социализме, на его взгляд, объектом медицины является не индивидуум, а общественный человек, отсюда повышается роль социальной гигиены. «При социализме, – говорил он, – будут болезни, но исчезнет ряд факторов, существующих при строе эксплуатации, при строе паразитизма верхов и нищеты низов» [97].

Прикладное решение этого вопроса нашло отражение в фундаментальном труде доцента кафедры социальной гигиены БГУ Б. Я. Смулевича. Философия его теоретического подхода видна по словам: «Мы считаем полным и невероятным для социального гигиениста ослеплением утверждение Г. Ниерре, что вопрос о том, частная собственность или социализация средств производства, коллективный или индивидуалистический способ производства, является исключительно научным вопросом, который не имеет ничего общего с социальной гигиеной, ибо для достижения наших целей социалистического строительства... наиболее ценное и важное условие наших успехов – живые производительные силы» [98]. Статистическим путем

¹ Написан совместно с О. М. Овечкиной.

Б. Я. Смулевич показал связь между питанием, например, населения и уровнем смертности от туберкулеза. Когда белорусские граждане в первые годы нэпа стали лучше питаться, резко снизилась смертность от туберкулеза. Он также выявил зависимость уровня рождаемости от уровней благосостояния и образования (обратно пропорциональная), причем причиной аборта более половины женщин назвали «недостаток материальных средств». Привлекают внимание и приведенные им в стоимостном выражении экономические потери для народного хозяйства республики от туберкулеза и других болезней.

Совместно с Институтом социальной гигиены Б. Я. Смулевич в 1925 г. провел крупное медико-санитарное обследование, которое позволило представить общую картину положения рабочей молодежи в БССР. В этой работе он написал самостоятельные разделы по жилищным условиям, питанию и заработной плате подростков [99]. В ходе обследования им было выявлено, что на фоне жилищного кризиса в БССР худшие условия были у рабочей молодежи. Другая интересная закономерность: несмотря на ухудшающиеся жилищные условия по республике в целом, заболеваемость среди белорусского населения стала уменьшаться, имея корреляцию с резким улучшением уровня питания в первые годы нэпа, превысив физиологические нормы, хотя в общей структуре населения среди рабочей молодежи питание не улучшилось, что требует разработки специальных мер. Исследование же в области заработной платы показали, что 11,2 % рабочей молодежи вообще не получает зарплаты (в основном занятая в сельском хозяйстве); 50,4 % получает низкую зарплату, т. е. 5–24 руб. в месяц, а высокую, свыше 55 руб. в месяц, – всего 6,8 %.

Новые производственные отношения вызывали необходимость обоснования иных подходов к формированию системы народного образования и воспитания в целом. С. Я. Вольфсон при рассмотрении этого вопроса опирался на материалистическую диалектику Маркса. На его взгляд, для изучения эволюции педагогических идей необходимо опираться на диалектику общественного процесса, которая руководила изменениями педагогических форм от эпохи к эпохе. Не случайно он подверг критике взгляды Т. Карлейля и русского дореволюционного педагога В. Успенского, согласно которым воспитание формируется под влиянием деятельности и психологических особенностей великих людей. «Чтобы понять воспитательные идеи Руссо, – писал белорусский ученый, – надо изучить общественные отношения той эпохи... борьбу классовых группировок того времени» [100], поэтому он приветствовал появление социологического направления в

педагогической мысли в лице Р. Зейделя, А. Залкинда, В. Гердера, Ж. Тэна, И. Гюйо, которые в основу педагогики положили изменения в уровне развития производительных сил. Поддержал он также взгляды передовых педагогов Запада: П. Кершенштейнера, Дж. Дьюи и других, выступавших за необходимость активного, трудового обучения в процессе воспитания, хотя эти педагоги и не являются сторонниками марксизма. С. Я. Вольфсон отстаивал необходимость построения единой системы народного образования, начиная от детского сада и кончая научной работой, поскольку недооценка любого из звеньев этой системы может привести к искажению всей системы.

В работах доцента БГУ С. М. Ривеса проводилась мысль о тесной связи народного образования с общей экономической системой, зависимости первого от второго. По его мнению, каждый господствующий класс стремится создать такую систему образования, которая бы отвечала его интересам. Для доказательства приводил примеры из опыта дореволюционной России и современных капиталистических стран, в которых, как утверждалось им [101], созданы по существу две системы: одна – для детей эксплуататорских классов, другая – для детей эксплуатируемых классов. С целью ликвидации такой несправедливости С. М. Ривес, например, обосновывал принципы построения новой социалистической системы народного образования, где важнейшее место отводил принципу единой трудовой школы, который ликвидирует монополию буржуазии на образование. Вторую отличительную черту советской системы образования он видел в реализации принципа трудовой школы, предоставляющей возможность знакомить детей с практическими приемами всех форм труда. Он был не против специально-технической подготовки, но выступал против сужения трудового воспитания до низшей ступени образования, т. е. до 15 лет. Следующим принципом С. М. Ривес признавал активное участие школы в строительстве социализма, следующим – формирование марксистского мировоззрения и т. д.

Существующие направления в воспитании раскрыл доцент БГУ П. Я. Панкевич. Первое он охарактеризовал как синдикалистское, представленное П. Робэном и П. А. Кропоткиным. Суть этого направления П. Я. Панкевич усмотрел в построении интегрального воспитания, т. е. сочетания общеобразовательного и трудового обучения на базе ручного труда с узкой специализацией, которая не создает условий для всестороннего развития личности. Ставя цель уничтожить систему наемного труда, по мнению белорусского ученого, сторонники данного направления отказываются от вмешательства государства

в воспитание, путая буржуазное и пролетарское государство. Требовать же отделения школы от пролетарского государства, доказывалось им, значит требовать освобождения ее от пролетарского влияния, что является неправильным, ибо в любом классовом обществе школа является классовой. Такой подход П. Я. Панкевич назвал попыткой соединить прудонизм с марксизмом. Выявил он недостаток и социал-демократического направления в теории воспитания у Г. Шульца: отсутствие понятия «трудовое обучение».

Третье направление в теории воспитания белорусский ученый назвал коммунистическим, в разработке которого главную роль сыграли К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин. Поскольку производство требует всестороннего развития личности, то основоположники марксизма, считал он, в основу воспитания положили организацию политехнической школы. Элементы этой школы П. Я. Панкевич видел уже в капиталистической индустрии. «Способность к труду, образование плюс здоровье – вот основные черты человека, воспитанного в политехнической школе» [102]. На его взгляд, К. Маркс в основу организации политехнической школы положил следующие принципы: построение школ на базе крупного производства, органическое соединение обучения с производительным трудом детей, всестороннее развитие человека, учет психологических особенностей детей в процессе воспитания, наличие таких общественных отношений, при которых устраняется эксплуатация.

Рассматривая работы современных идеологов политехнической школы – Н. К. Крупской, А. Н. Луначарского и М. Н. Покровского, – П. Я. Панкевич усмотрел в рассуждениях Н. К. Крупской противоречие, состоящее в отождествлении ею политехнического воспитания с общим. Общее образование, считал белорусский ученый, представляется более широким понятием, политехническое подразумевает узкое содержание, ограниченное навыками теоретического и практического ознакомления людей с научными основами организации крупной индустрии. В целом П. Я. Панкевич считал политехническую школу разновидностью трудовой, последняя же может быть профессиональной. В отличие же от общеобразовательной политехническая школа, по П. Я. Панкевичу, дает знания не изолированно, а посредством активного участия детей в процессе производства.

Усиление необходимости политехнического образования П. Я. Панкевич увязал с взятым на индустриализацию в СССР и особенно БССР [103-105] курсом. Материальной базой этой школы

должна стать крупная промышленность, которая развивается посредством автоматизации и химизации производства, что вызывает необходимость концентрации производства, уменьшения рабочих относительно величины основного капитала и упрощения труда. В этой связи он разделял взгляд А. Кулишера, согласно которому анализ современного крупного производства позволяет говорить об универсальности труда в будущем коммунистическом обществе. П. Я. Панкевич отстаивал мысль: развитие техники вызывает формирование условий для депрофессионализации труда, когда отмирают техническое и общественное разделение труда, нивелируются рабочая сила, умственный и физический труд.

П. Я. Панкевич пропагандировал мысль К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что политехническая школа должна давать такое образование, которое подготавливало бы человека к роли работника на производстве и к общественной деятельности. Поэтому, на его взгляд, такое образование должно состоять не только из умственного и физического, но и из политехнического воспитания. В результате он дал такое определение политехнического образования: «Всестороннее теоретическое и практическое изучение современной крупной индустрии с целью всестороннего развития детей для их будущей общественно полезной производительной деятельности» [106]. Пока же, на его взгляд, советский рабочий не нацелен на политехническое образование, ибо в обучении опирается в основном на мелкое производство. В этой связи П. Я. Панкевич отрицательно относился к мысли, что лучшим средством воспитания является ручной труд, поскольку, по его мнению, ручной труд представляется отживающей формой производства и находится в противоречии с принципом политехнизма, воспитание же, по его мнению, должно приспособляться не к отмирающим формам производства, а к новым, прогрессивным. Понимая, что сразу политехническую школу в СССР не создашь, он предлагал начинать с наиболее развитых промышленных районов.

Так, он резко критиковал Н. Г. Казанского за утверждение, что «К. Маркс не употреблял слова «политехническое воспитание», а только «профессиональное и технологическое». Ошибка Н. Г. Казанского, по мнению П. Я. Панкевича, в том, что он рассматривал профессию как вечную категорию, не учитывая перспектив коммунистического развития [107]. Подверг он критике и тех, кто политехническое воспитание рассматривал с упором на мелкую промышленность, в частности Е. Н. Медынского в сочинении «История педагогики» и

С. М. Каменева в работе «Советская трудовая школа». Если исходить из такой посылки, рассуждал П. Я. Панкевич, то тогда элементы политехнизма имеют место в любой эпохе и при различных производственных отношениях. В таком случае, считал он, идеи политехнизма можно найти в работах Т. Мора, Ж. Ж. Руссо, Дж. Дьюи и др., т. е., по его мнению, названные авторы настаивают на бесклассовом содержании политехнического воспитания, не подготавливая молодых рабочих к активности и революционному осмыслению происходящих в производстве процессов. Аналогичную ошибку белорусский ученый усмотрел и в рассуждениях А. П. Панкевича в сочинении «Педагогика», охарактеризовав их как стремление объединить учение анархиста П. Робэна об интеграции физического и политехнического воспитания с учением К. Маркса, поскольку в политехнический труд входит физический. Не согласился П. Я. Панкевич с попыткой С. Шабалова отождествить политехнические и профессиональные школы. Неправильность такого подхода он усмотрел в стремлении строить политехническое воспитание на базе ручного труда, что может привести не к политехнизму, а к профессионализму.

Понятие и сущность квалифицированной рабочей силы также рассмотрел П. Я. Панкевич. По его мнению, каждая эпоха требует определенного типа квалифицированного работника, соглашаясь в этом с А. А. Богдановым и И. Скворцовым по книге «Курс политекономии» во взглядах на ремесленный и мануфактурный тип квалификации. П. Я. Панкевич присоединился к мнению И. Зайделя относительно определения современного типа квалифицированного работника: «Квалифицированным в современном смысле можно назвать такого рабочего, который, во-первых, трудился известное число лет в обстановке, соответствующей по оборудованию, приемам, способам и точности работы современным требованиям техники; во-вторых, успел приобрести такие практические навыки и умения, что в состоянии выполнить любую работу по своей специальности с той же степенью точности, с какой эта работа выполняется на лучших заводах данного производства; в-третьих, получил известную теоретическую подготовку, как общеобразовательную, так и специальную» [108].

Выявил П. Я. Панкевич различный классовый подход к понятию «квалификация». Так, по его мнению, теоретики буржуазной системы управления, и в частности Тейлор, квалификацию характеризует как совокупность определенных физических данных, технической подго-

товки и наличия известных моральных качеств с точки зрения извлечения из работника наибольшей прибавочной стоимости.

Вторую отличительную черту современной квалификации работников П. Я. Панкевич усматривал в приобретении ими в процессе производства не только исполнительного, но и организующего, творческого начала, разделяя в этом отношении точку зрения С. Г. Струмилина, обозначившего следующие функции квалифицированного работника: моторную, исполнительную и организующую. Однако белорусский ученый считал, что данная черта проявляется при капитализме и при социализме по-разному: если при капитализме творческое начало проявляется как тенденция, то в СССР оно уже связывается со становлением новых производственных отношений. Он доказывал, что работник, становясь организатором производства, в то же время становится и организатором новых производственных отношений, т. е., с одной стороны, работник выступает как революционер, разрушитель старого, а с другой – как строитель нового социалистического начала. Если при капитализме, продолжал он, работник больше проявляет себя в качестве революционера, то в СССР – больше как борец и строитель нового. Следовательно, П. Я. Панкевич разделял позицию О. Бауэра, высказанную в сочинении «Квалифицированный труд и капитализм», на роль квалифицированного работника при капитализме и социализме.

Выступил П. Я. Панкевич против утверждения профессора С. И. Солнцева, считающего профессию категорией естественно-технической, а потому вечной, не имеющей, таким образом, социальной природы. В качестве аргументов белорусский ученый привел высказывания Н. И. Бухарина из его сочинения «Теория исторического материализма». Не случайно П. Я. Панкевич считал, что поскольку при коммунизме отомрет общественное и техническое разделение труда, то произойдет своеобразная его депрофессионализация, а труд приобретет универсальный характер. Значит, им отстаивалась точка зрения, согласно которой отмирание различных видов разделения труда с развитием техники является всеобщим законом, и в будущем поэтому не может быть трудовой деятельности, пожизненно прикрепляющей к себе работника. Для доказательства этого положения он указывал на предприятия Г. Форда, его работу «Моя жизнь, мои достижения» и работу Бабинкореня «Управление рабочей силой». По мнению П. Я. Панкевича, на заводах Г. Форда рабочим не требуется никакой квалификации, так как обучаются работать на конвейере в

течение двух дней, что объясняется несложностью выполняемых ими операций. Окончательно же депрофессионализация труда произойдет с уничтожением капиталистической формы производства.

Такое сравнение нам сегодня кажется странным. Ведь по уровню вооруженности и технической подготовки рабочие у Г. Форда во все не являлись передовыми, как это представлял П. Я. Панкевич. Как известно, на заводах Г. Форда использовалась самая неквалифицированная рабочая сила. Однако в лишении рабочего всякой квалификации, а следовательно, и в изгнании из труда творческого момента белорусский ученый видел переход к новой организации труда, упуская из виду, что нивелировка профессий есть лишь одна из тенденций капитализма, не исключая противоположных, особенно в конце XX в. В целом по данному вопросу П. Я. Панкевич был близок к позициям таких советских экономистов 20-х гг., как Я. Берзтыс и С. Бессонов, уязвимость которых уже показал В. Е. Маневич [109].

Итак, П. Я. Панкевич считал, что в связи с депрофессионализацией труда профессия исчезнет и на смену ей придет политехническое образование. Это было вызвано как стремлением форсировать политехнические элементы за счет специальной подготовки [110], так и явным преувеличением роли техники в развитии общества, ее довлеющего характера на все остальные элементы способа производства. Он подходил к содержанию политехнического образования с позиции «индустриального политехнизма», ограничивая изучение только высшими формами техники, игнорируя полностью мелкое производство. Принятие точки зрения П. Я. Панкевича на практике привело бы к недооценке роли общеобразовательных дисциплин в развитии кругозора советских рабочих.

Представляет интерес его высказывание об экономическом значении квалификации. «Экономическое значение квалификации, – писал П. Я. Панкевич, – заключается не только в том, что квалифицированный работник в процессе производства в каждый данный момент дает больше производственный эффект, чем другие категории рабочих, но и в том, что он в случае перехода в новые условия производства скорее приспособляется к этим условиям, давая наибольший эффект для капиталистических предприятий сравнительно с неквалифицированным» [111]. Иными словами, важно не то, что квалификация повышает производительность труда, а то, что она ориентирована на быстрое приспособление квалифицированного работника к новой технике, требуя меньших затрат на переобучение.

Касаясь необходимых форм подготовки квалифицированных кадров, П. Я. Панкевич не отрицал невозможности осуществления политехнизации школы в СССР в силу отсутствия материальных предпосылок. Поэтому им признавалось право на существование профшкол, хотя и считал их неперспективными, но с точки зрения текущих нужд страны они приносили пока пользу, т. к. удовлетворяли запросы кустарного и ремесленного производства, не имея черт политехнического воспитания. Более перспективными и жизненными он признавал фабзавучи. Не случайно П. Я. Панкевич связал коллективизацию с политехническим воспитанием. По его мнению, если колхозы не являются последовательно социалистическими предприятиями, имея частную собственность в лице личных подсобных хозяйств, то в полном смысле они не могут являться базой для политехнического воспитания. Такая позиция им объяснялась из двух обоснованных посылок политехнического воспитания: крупное производство и достаточный уровень развития техники. Поэтому он особое внимание обратил на совхозы, являющиеся, на его взгляд, последовательно социалистическими предприятиями с более высокой технической оснащенностью по сравнению с колхозами. Помимо сельхозпроизводства, в совхозах имеются подсобные мастерские, цеха по переработке, электростанции, что создает благоприятные условия, по П. Я. Панкевичу, для развертывания на базе совхозов политехнического образования [112].

Заключение

Можно сказать, что в годы нэпа в БГУ проводились экономические исследования по актуальным на тот период проблемам. Наиболее крупный вклад в экономическую науку БССР ученые БГУ внесли в обоснование методологических основ политэкономии социализма, в разработку проблем истории экономических учений и народного хозяйства, в теорию империализма, конъюнктуры, планирования, экономического районирования, хозрасчета, мировой экономики, кооперации, малых форм производства (кустарной и ремесленной), научной организации труда, воспроизводства рабочей силы. Результаты исследований ряда ученых были внедрены в практику хозяйствования: по экономическому районированию А. А. Смолича при административно-хозяйственном делении БССР; по конъюнктуре А. И. Шейнина при разработке контрольных цифр развития народного хозяйства БССР и первой пятилетки; по выявленным М. В. Довнар-Запольским и В. И. Пичетой тенденциям эволюции сельского хозяйства при обосновании пятилетнего плана восстановления сельского и лесного хозяй-

ства. Некоторые теоретические и социальные исследования, среди которых выделяются работы М. Б. Гольмана по империализму, И. Я. Герцыка по истории экономических учений, П. Я. Панкевича и Б. Я. Смулевича по воспроизводству рабочей силы, С. Л. Певзнера по кооперации и коллективизации, получили широкий резонанс в советской литературе тех лет. Ряд поднятых в процессе исследований учеными БГУ проблем не потеряли актуальности и сегодня. Следует отметить и тот трагический факт, что большинство преподавателей БГУ, которые в годы нэпа занимались научно-исследовательской работой, в дальнейшем были репрессированы а их работы стали предметом предвзятой критики в белорусской экономической литературе советского периода. Вот далеко не полный их перечень: А. А. Смолич, А. И. Шейнин, М. Б. Гольман, И. Я. Герцык, Е. И. Ривлин, П. Я. Панкевич.

Литература

1. *Вольфсон С. Я.* Современные критики марксизма // Под знаменем марксизма. М., 1924. №8–9. С. 246–271.
2. *Вольфсон С. Я.* К вопросу марксизма и государства // Тр. БГУ. Мн., 1925. № 6–7. С. 10–12.
3. *Герчиков И. В.* К идее государства у Лассаля // Тр. БГУ. Мн., 1925. № 6–7. С. 201–215.
4. *Каценбоген С. З.* Марксистская социология: Курс лекций. Мн.: Белгосиздат, 1925. С. 52.
5. *Вольфсон С. Я.* Диалектический материализм: Курс лекций. Мн.: Госиздат, 1926. Ч. 1–3. 6-е изд. С. 379.
6. *Парэчын Г. і Пінчук М.* Асновы Савецкай Дзяржавы // Маладняк. 1927. № 1. С. 71–84; № 11. С. 79–92.
7. *Шапавалаў Мік.* Дыктатура і дэмакратыя // Маладняк. 1926. № 6. С. 44–50.
8. *Каценбоген С. З.* Ленин о государстве // Тр. БГУ. 1925. № 6–7. С. 5.
9. *Выдра Р.* Материалистическая диалектика. Гомель, 1928. С. 6.
10. *Каценбоген С. З.* Марксистская социология: Курс лекций. Мн.: Белгосиздат, 1925. 83 с.
11. *Каценбоген С. З.* Что такое марксизм. Мн.: Белгосиздат, 1925. 157 с.
12. *Бухарин Н. И.* Проблемы теории и практики социализма. М.: Политиздат, 1989. С. 94–176.
13. *Каценбоген С. З.* Диалектический материализм и механистическое мировоззрение // Тр. БГУ. 1925. № 117. С. 1–18.
14. *Вольфсон С. Я.* Диалектический материализм. Указ. соч.
15. *Выдра Р.* Теория общественного развития. Гомель, 1928. 16 с.
16. Курс экономической теории / Под ред. М. И. Плотницкого и А. Н. Тура. Мн.: ООО Мисанта, 1998. 432 с.
17. Основы экономической теории: Курс лекций / Под ред. В. Л. Ключни. Мн.: Университетское, 1996. 332 с.

18. *Канчер Е. С.* Роль кафедры сельскохозяйственной экономики в Белоруссии // Народное хозяйство Белоруссии. 1923. № 8–9. С. 10–12.
19. *Гавзе Ф.* О юридической природе собственности в Советском Союзе // Весті НКЮ БССР. Мн., 1927. № 8. С. 3.
20. *Герцык И. Я.* О некоторых проблемах политэкономии // Тр. БГУ. 1926. № 11. С. 19–30.
21. *Герцык И. Я.* Новейшие течения в политэкономии в связи с проблемой кризисов // Тр. БГУ. 1927. № 14–15. С. 139–154;
22. *Герцык И. Я.* Теория ренты в связи с трудовой теорией стоимости // Тр. БГУ. 1925. № 6–7. С. 293–298.
23. *Герцык И. Я.* Экономическая теория Отмара Шпана // Тр. БГУ. 1928. № 20. С. 17–35; № 21. С. 148–172.
24. *Герцык И. Я.* Аграрные реформы в Западной Европе // Тр. БГУ. 1926. № 11. С. 77–92.
25. *Кравченко Н. Н.* Пути решения рабочего вопроса и проблемы охраны труда в капиталистической Европе // Тр. БГУ. 1928. № 21. С. 97–121.
26. *Канаплін М.* Да характарыстыкі ідэялогіі фашызму // Польша. 1929. № 7. С. 122–140.
27. *Канаплін М.* Прынцыпы пабудовы «карпаратыўнай» дзяржавы. Мн.: Выд. праўлення БДУ, 1930. 35 с.
28. *Канаплін М.* Фашызм і фашыстская дзяржава. Мн.: Бел. дзярж. выд-ва, 1930. 191 с.
29. *Канаплін М.* «Дэмакратыя» на абарону дыктатуры буржуазіі. Мн.: Бел. дзярж. выд. ім. Сталіна, 1930. 84 с.
30. *Ривлин Е.* Борьба течений в Германской социал-демократии // Под знаменем марксизма. 1926. № 11. С. 142–171;
31. *Ривлин Е.* Проблема революции в Германской социал-демократии в первые годы после падения исключительного закона // Под знаменем марксизма. 1929. № 4. С. 133–163;
32. *Ривлин Е.* Аграрная дискуссия в Германской социал-демократической партии. Мн., 1929. 23 с.
33. *Герчиков И. В.* Конструктивный социализм. Мн.: Друк БДВ, 1928. 20 с.
34. См., например: История экономических учений / Под ред. Ф. В. Боровика, М. В. Научителя, И. М. Лемешевского. Мн.: Вышэйш. шк., 1984. 351 с.
35. *И. Сталин.* Вопросы ленинизма. М., 1952. С. 236.
36. *Канаплін М.* Международны сацыял-апартунізм на працы // Большевик Белоруссии. 1929. № 5. С. 15–25.
37. *Герчиков И. В.* Проблемы империализма в русской и марксистской литературе // Тр. БГУ. 1927. № 14–15. С. 92–153.; № 20. С. 36–50.
38. *Ванаг Н.* Финансовый капитал в России накануне мировой войны. М., 1924.
39. *Воранава Т., Ляхоўскі У., Гольман М. Б.* Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн.: БелЭН, Т. 3. 1996. С. 59–60.
40. *Гольман М.* Русский империализм. Мн., 1929. 455 с.
41. *Бутаев И.* О методе Ленина и Бухарина в анализе империализма // Под знаменем марксизма. 1929. № 12.
42. *Гиндин И. Ф., Гольман М.* Русский империализм // Вестн. финансов. 1927. № 12. С. 200–202;

43. *Смушков З., Гольман М.* Русский империализм // Плановое хозяйство. 1927. № 6. С. 318–322.
44. *Гольман М.* К вопросу о законе неравномерности экономического развития (теоретический очерк) Мн.: БГУ, 1928. 24 с.
45. *Гольман М.* К вопросу о законе неравномерного развития и о формах его проявления // Тр. БГУ. 1928. № 20. С. 130–151.
46. *Гольман М.* Всеобщий кризис капитализма. Мн.: БГУ, 1928. С. 47.
47. *Герчиков И. В.* Падение английской мировой гегемонии // Красная Новь. М., 1927. Кн. 7. С. 144–166;
48. *Герчыкаў І. В.* У свеце межімперыялістычных адносін // Польшыя. 1928. № 2. С. 104–118;
49. *Герчыкаў І. В.* Заняпад Брытанскай імперыі // Польшыя. 1925. № 5. С. 85–94.
50. *Гольман М.* О реформистских блужданиях в марксистской теории // Большевик Белоруссии. 1928. № 8. С. 10–16.
51. *Гольман М.* Туган-Барановщина. Л., 1926.
52. *Перцев В. И.* Экономическое развитие Англии в XIX в. Мн.: Белтрестпечать, 1924. 211 с.
53. *Довнар-Запольский М. В.* Народное хозяйство Белоруссии. Мн., 1926.
54. *Черныш Л. П., Довнар-Запольский М. В.* Народное хозяйство Белоруссии. 1861–1914 гг. Мн.: Госплан БССР, 1926 // Науч.-реферат. бюл. Мн.: АН БССР, 1989. Ч. 1. С. 118–124.
55. *Лемещенко П. С.* Институциональные закономерности и тенденции функционирования денежно-кредитной системы Беларуси // Бел. экон. журн. 2001. № 1. С. 21.
56. *Бондар Г.* Пакончыць з рэшткамі народніцтва (по поводу кн. М. В. Довнар-Запольского «Народное хозяйство Белоруссии») // Большевик Белоруссии. 1930. № 6–7.
57. *Никитенко П. Г., Бусько В. Н.* Они были первыми академиками-экономистами Беларуси. Мн.: Право и экономика, 2001. С. 57–69.
58. *Смолич Ар.* Эканамічнае становішча Беларусі перад вайной і рэвалюцыяй // Беларусь. Мн., 1924. С. 22–77.
59. *Гельтман С., Шейнин А.* Введение в конъюнктуру // Сов. стр-во. 1924. № 1. С. 143.
60. *Кондратьев Н. Д.* К вопросу о понятиях экономической статики, динамики и конъюнктуры // Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. С. 48–90.
61. Стэнаграма аб'яднання пасяджэння СНК і Эканамічнай Нарады БССР на пытанні аб кан'юнктуры народнай гаспадарцы БССР за 1926–1927 гаспадарчы год. Мн., 1928.
62. *Ревякин В. А.* Сезонные колебания цен и экспорта масла // Тр. Конъюнктур. ин-та. М., 1929. Т. 1. С. 56–69.
63. *Ревякин В. А.* Конъюнктурные колебания русского экспорта масла // Тр. Конъюнктур. ин-та. М., 1930. Т. 2. С. 102–118.
64. *Черныш Л. П.* Становление планирования народного хозяйства Белорусской ССР. Мн.: БГУ, 1984.
65. *Бусько В. Н.* Экономическая мысль Беларуси в период НЭПа (20-е гг.). Мн.: Право и экономика, 2000.

66. *Шейнин А.* Экономический бюллетень Конъюнктурного института. № 11–12 за 1927 г. Изд. НКФ СССР. 1927 (библиография) // Сов. стр-во. 1928. № 2. С. 150–154.
67. *Певзнер С. Л.* Контрольные цифры народного хозяйства БССР на 1927–1928 хозяйственный год. Мн., 1927; С предисловием М. М. Карклина (библиография) // Сов. стр-во. 1928. № 2. С. 156–158.
68. *Гольдштейн Г., Шейнин А.* По поводу рецензии тов. Певзнера // Сов. стр-во. 1928. № 2. С. 159–163.
69. *Смоліч А. А.* Геаграфія Беларусі. Вільня. Віленскае беларус. выд-ва Клецкіна, 1919.
70. *Смоліч А. А.* Тыпы геаграфічных краявідаў Беларусі. Мн., 1925.
71. *Смоліч А. А.* Бібліаграфічны даведнік. Мн., 1991. С. 15.
72. *Смоліч А. А.* Сельскагаспадарчыя раёны Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі ў 1927–1928 гг. Мн., 1930.
73. *Смоліч А. А.* Эканамічнае раянаванне і краязнаўчая арганізацыя // Наш край. Мн., 1930. № 2. С. 7.
74. *Фема В.* Метады дробнага эканамічнага раянавання БССР // Сов. стр-во. 1930. № 1. С. 59.
75. *Гольман М.* К вопросу о законе неравномерного развития и о формах его проявления // Тр. БГУ. 1928. № 20. С. 150.
76. *Арцимович А. М.* К вопросу о признаках ремесленного и кустарного предприятия как единицы наблюдения в промышленной статистике // Тр. БГУ. 1928. № 20. С. 106–119.
77. *Пеўзняр С. Л.* Кааперацыя і яе сутнасць, роля, віды і формы ў капіталістычных краінах у СССР і БССР. Мн., 1929.
78. *Подгуг Н.* Государство и кустарная промышленность // Социалист. стр-во. М., 1925. Кн. 4. С. 86–110.
79. *Манов А. А.* К постановке вопроса о методологии счетных дисциплин // Тр. БГУ. 1928. № 14–15. С. 51–74.
80. *Лубны-Герцык Л.* О переводе капитала в трудовые эквиваленты. М.: ВСНХ, 1922.
81. *Гавзе Ф.* Государственная собственность и использование ее трестами // Сов. стр-во. 1926. № 12. С. 105–123.
82. *Гинзбург А. М.* Экономика промышленности. М.; Л.: Госиздат, 1925. Ч. 1.
83. *Кроль М.* Да пастаноўкі пытання аб метадалогіі навучэння змаральнасці // Зб. Асац. навук. арг. працы. Мн., 1926. С. 11–17; Біялагічныя асновы характара // Чырвоны сцяг. Мн., 1925. № 1. С. 29–35.
84. *Ленц А.* Псіхатэхніка і ўмоўныя рэфлексы // Зб. Асац. навук. арг. працы. Мн., 1926. С. 18–23.
85. *Васілейскі С.* Житейский и научный профотбор // Прафесійны рух Беларусі. Мн., 1926. № 1. С. 18; Псіхатэхнічная Лабараторыя Інбелкульту // Зб. Асац. навук. арг. працы. Мн., 1926. С. 61–62.
86. *Гредингер М.* Вокруг вопроса об общих началах землепользования и землеустройства // Тр. БГУ. 1927. № 14–15. С. 30–43.
87. *Смоліч А. А.* Вакол зямельнага пытання // Сав. Беларусь. 1922. № 280.
88. Из истории экономической мысли. М.: Знание, 1990.
89. *Лубны-Герцык Л.* Что такое перенаселение. М., 1923 (серия научных монографий).

90. *Смоліч А. А.* Арганізацыя сялянскай гаспадаркі ў раёнах Цэнтральнай Беларусі. Мн., 1927.
91. Яшчэ раз аб тэарэтычных і метадалагічных блытаннях А. Смоліча // *Большевик Белоруссии*. 1928. № 8. С. 89–91.
92. *Пеўзняр С. Л.* Тамсама.
93. *Пеўзняр С.* Калектывізацыя сельскай гаспадаркі. Мн., 1929.
94. *Бондарь Г.* Библиография. С. Певзнер. Коллективизация // *На Аграрном фронте*. М., 1929. № 11–12. С. 245–247.
95. *Базылев Н. И.* Становление экономической теории социализма в СССР. Мн.: БГУ., 1976.
96. *Вольфсон С. Я.* Диалектический материализм и медицина. Мн., 1929.
97. *Смулевич Б. Я.* Заболеваемость и смертность населения городов и местечек БССР. Мн., 1928. С. 285–286.
98. *Смулевич Б. Я.* Жилищные условия и питание подростков // *Дихтяр С. Р.* и др. Рабочая молодежь Белоруссии. Мн., 1926. С. 33–64; Стаж и заработная плата рабочей молодежи // Там же. С. 65–78.
99. *Вольфсон С. Я.* Марксизм и педагогика. Мн., 1924. С. 13.
100. *Рывес С.* На Ленінскіх шляхах у галіне асветы // *Асвета*. Мн., 1925. № 1. С. 8–11; Школа Кастрычніка // Там же. 1927. № 7. С. 28–33.
101. *Панкевич П.* Политехническая школа. Мн., 1928. С. 95.
102. *Панкевич П.* Политехническая школа. Мн., 1928; Проблемы политехнического воспитания // *Тр. БГУ*. Мн., 1927. № 16. С. 158–168.
103. *Панкевич П.* Палітэхнічная школа як вынік пралетарскай рэвалюцыі // *Асьвета*. 1927. № 7. С. 33–40.
104. *Панкевич П.* Да пытання аб навейшых момантах развіцця сучаснай крупнай індустрыі // *Польмя*. 1927. № 8. С. 74–100.
105. *Панкевич П.* Проблемы политехнического воспитания. С. 164.
106. *Панкевич П.* Спрэчныя пытанні палітэхнічнага васьпітання // *Асьвета*. 1930. № 1. С. 33–49.
107. *Панкевич П.* Политехническая школа. С. 57.
108. *Маневич В. Е.* Экономические дискуссии 20-х гг. М., 1989. С. 118–119.
109. *Осовский Е. Г.* Развитие теории профессионально-технического образования в СССР. М., 1980. С. 165.
110. *Панкевич П.* Политехническая школа. С. 32.
111. *Панкевич П.* Совхоз и колхоз как база политехнического воспитания // *Асьвета*. 1930. № 4. С. 24–34.